

С.И. Сухих

**СПОРЫ ОБ АВТОРСТВЕ
«ТИХОГО ДОНА»**

**(из лекций по спецкурсу
«Проблемы творчества М Шолохова»)**

**Нижний Новгород
1999**

УДК 882
ББК83.(27)
С 56

Сухих С.И. Споры об авторстве «Тихого Дона». Из лекций по спецкурсу «Проблемы творчестве Шолохова». Нижний Новгород: Издательство «КИТиздат», 1999, 80 стр.

Книга представляет собой изложение одной из тем спецкурса по творчеству Шолохова, который её автор в течение ряда лет читал студентам-филологам Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. Она посвящена «проблеме авторства» «Тихого Дона» – одного из великих романов XX века. Сомнение в авторстве Шолохова давно и прочно посеяно в умах читателей шолоховскими завистниками-писателями, литературной критикой и СМИ. Для выработки собственной позиции читателю полезно знать суть проблемы, содержание и итоги споров, ведущихся уже не одно десятилетие. История вопроса о так называемом шолоховском «плагиате»; анализ основных аргументов «за» и «против» Шолохова как автора романа; «детективный» и «аналитический» аспекты дискуссии; методология и научные результаты применения гипотезы «автор – соавтор» к исследованию «Тихого Дона» – вот круг вопросов, освещенных в книге, которая адресована студентам, преподавателям литературы и всем читателям, интересующимся актуальными проблемами литературы XX века.

ISBN 5-880222-069-9

©С.И. Сухих

«Роман я написал – а теперь пусть хоть четвертуют!»

М.Шолохов (1940 г).

1. Что есть классика? «Тихий Дон» - великий роман XX века. 2. Шолохов перед судом современности. 3. Версия о плагиате. История вопроса: шесть витков антишолоховской кампании. 4. Шолохов и Солженицын. 5. PRO ET CONTRA: аргументы биографические. 6. PRO ET CONTRA: аргументы идеологические. 7. PRO ET CONTRA: аргументы «эстетические». 8. Основные кандидаты в «авторы», их шансы. 9. Проблема рукописей «Тихого Дона». 10. Проблема аутентичности текста романа. 11. Причины ненависти к Шолохову. 12. Предварительное заключение.

1. Что есть классика? «Тихий Дон» - великий роман XX века.

Что есть классика в искусстве – определяет только время. Притом не столько «свое» время – то, в котором жил автор и в котором он создавал свое произведение, сколько «большое время», если использовать выражение М.Бахтина, – следующие за эпохой автора и его поколения годы, десятилетия, века.

Суровый суд времени выдержит только то, что поднимется, во-первых, над своим временем (т.е. войдет в «большое время»), во вторых над своим народом, языком, нацией (будет признано другими народами, человечеством), в-третьих, над художественной нормой своего времени (возвысится не над средним, а над высшим уровнем искусства своей эпохи).

Такой суд не выдержит многое из того, что считалось классикой в советскую эпоху, и многое из того, что выдвинуто в разряд классики «постсоветским» временем. Когда уйдут в прошлое и прежняя, и нынешняя конъюнктура, рядом, бок о бок, окажутся писатели и из «советской», и из «антисоветской» обойм.

И в творчестве каждого тоже выделятся свои вершины. У Горького, например, - «На дне», «Детство» и «Жизнь Клима Самгина»...

В ряду великих романов XX века займут свое место и «Жизнь Клима Самгина», и «Белая гвардия», и «Мастер и Маргарита», и «Чевенгур», и «Петр Первый», возможно, «Доктор Живаго» и «Пирамида», может быть, и еще несколько.

Но бесспорной вершиной русской литературы XX века все равно останется «Тихий Дон». Уже сейчас ясно, что этот великий роман возвышается и над своим временем, и над своим народом и языком (он

стал достоянием всего человечества), и над художественной нормой нашей эпохи. Но именно поэтому столь ревниво относятся к этому великому произведению и его автору современники.

2. Шолохов перед судом современности.

Атака на классиков «советской» литературы началась в годы «перестройки»: тогда попытались свести счеты, пройти «корчевкой», как выражался один из энтузиастов этой «разборки» В.Воздвиженский, по всему полю русской литературы XX века. Резкой атаке и попыткам дискредитации были подвергнуты Горький и Маяковский, Есенин и Блок, Алексей Толстой и Леонид Леонов, не говоря уже о Фадееве или Федине. На расчищенное от этой «врио-культуры» (опять-таки по выражению В.Воздвиженского) место были предложены Пастернак и Мандельштам, Бабель и Пильняк, Ахматова и Цветаева, Булгаков и Платонов. Но самой яростной атаке был подвергнут и продолжает подвергаться Михаил Шолохов. Абсолютно за все: за то, что написал «никчемные» «Донские рассказы», за то, что не имел большого образования, за то, что написал «прославляющую» коллективизацию «Поднятую целину», за то, что написал «Судьбу человека» и не отправил ее героя в ГУЛАГ, за то, что не завершил роман «Они сражались за Родину», за то, что не раз встречался со Сталиным, за то, что выступал на партийных съездах, за то, что недолюбливал диссидентов, за то, что резко критиковал Синявского, Даниэля и даже самого Солженицына, за то, что получил Сталинскую, Ленинскую и Нобелевскую премии¹, за то, что жил в Вешенской, а не в Москве и притом в доме, «подаренном ему партией»², за то, что не сберег во время войны от немецкой бомбы свой архив, свои рукописи, за то, что не устранял из текста редакторскую правку, а главное – за то, что «считался» автором «Тихого Дона».

Ненавидят Шолохова многие писатели: Солженицын, Вознесенский³, Евтушенко⁴, Астафьев (этот при жизни Шолохова однажды сказал:

¹ «Ни у одного писателя я не видела такого презрительного отношения к деньгам», - говорила Е.Г.Левицкая – друг Шолохова (ей он посвятил рассказ «Судьба человека»). Из всех трех литературных премий Шолохов не израсходовал на себя ни копейки: Сталинская пошла в фонд обороны (дело было во время войны), Ленинская и Нобелевская – на строительство школы и больницы в Вешенской.

² Дом Шолохова был разрушен бомбой и сгорел во время войны. У порога дома на глазах Шолохова была убита этой бомбой его мать. После войны дом писателя в Вешенской был построен на средства ЦК партии. «Но это был не дар, а помощь. Тогдашний управляющий делами ЦК ВКП(б) Д.В.Крупин при каждой встрече с писателем напоминал ему с грубоватой иронией: «Ну что, казак, когда отдашь деньги?» - «Должен – не скрою, отдам – не скоро», - отвечал Шолохов. В тот день, когда отдал все, ликовал, сиял радостью, как ребенок» (Жуков И. Рука судьбы. М., 1994, с. 7).

³ Вознесенский напечатал в Америке следующий поэтический «шедевр»:

Сверхклассик и сатрап,
Стыдитесь, дорогой,
Один роман содрал,
Не мог содрать другой.

⁴ Евтушенко мстительно рассуждал о Шолохове как плагиаторе и алкоголике в «Литературной газете» в статье с выразительным названием «Фехтование с навозной кучей»

«Самым счастливым днем моей жизни будет день смерти Шолохова»), Окуджава, Искандер и многие другие.

Есть ненавистники среди ученых-литературоведов: И.Медведева-Томашевская, А.Заяц, А.Мезенцев, Д.Лихачев и др.

Особенно изощряются в ненависти критики-журналисты. Они то с улюлюканьем и превеликим удовольствием распространяют о Шолохове любые сплетни и небылицы, то с циничным ерничаньем объявляют: «Сенсация! Оказывается, «Тихий Дон» написал все-таки Шолохов!»⁵.

Два года ленинградский телеканал «Пятое колесо» (А.Заяц – филолог-кандидат из Института языкознания и журналист В.Правдюк) систематически, из недели в неделю, из месяца в месяц методично вдалбливали в головы телезрителей, что Шолохов – бездарь, жулик, плагиатор, алкоголик, коммунист с изуверскими наклонностями).

В день 90-летия Шолохова газета «Московские новости»⁶ опубликовала статью Михаила Золотоносова «Отшумевший камыш» (намек на тот же алкоголизм), в которой юбиляр назван «самым скандальным мастером госзаказа» и утверждается, что главный метод его работы – «присвоение чужого и ухудшающая его переработка», поскольку его «культура и образовательный уровень крайне низкие», что «кража Шолоховым чужого литературного труда сомнению не подлежит», что Шолохову присущ «садомазохистский комплекс» и т.п. «комплименты» по случаю дня рождения писателя.

Да что «Московские новости»! От бульварной газетки другого ждатель не приходится. Но ведь «Литературная газета» – не какая-нибудь, а «литературная»! - отметила 90-летний шолоховский юбилей публикацией такой же разухабистой статьи журналиста В.Радзишевского⁷. Он приводит пушкинское суждение: «Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы», - и на протяжении всей статьи на целой газетной полосе как раз и занимается злословием - смакует одну и ту же тему: «При упоминании Шолохова вспыхивают обычно толки о плагиате».

Накал ненависти, степень озлобления в адрес Шолохова поистине удивительны и беспрецедентны. Главная атака - на «Тихий Дон», на Шолохова как его автора. *«Ни об одном крупном художественном произведении русской литературы прошлого и нынешнего столетия не имеется столько разногласий, а также пересудов и просто сплетен, как о «Тихом Доне» Михаила Шолохова»*, - писал исследователь-историк Сергей Семанов⁸.

Со второй половины 80-х годов «проблема авторства» «Тихого Дона» стала основным предметом дискуссий и пропагандистских выступлений об этом романе. Вероятно, нет человека, который не слышал бы о

⁵ Комсомольская правда, 1991, 5 июля.

⁶ Московские новости, 1995, май. Перепечатка: Понедельник. Пресс-обозрение, 1995, август.

⁷ Радзишевский В. Заложник «Тихого Дона» // Литературная газета, 1995, № 21, 24 мая.

⁸ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 217.

существовании версии о плагиате, – тут уж СМИ постарались на славу! Поэтому, хотя в научном смысле эта дискуссия мало что дает для понимания «Тихого Дона», ее содержание нужно знать: в чем суть вопроса? какова фактическая сторона дела? в чем заключаются аргументы спорящих сторон? – об этом необходимо иметь достаточно полное представление.

Кстати сказать, история эта – с большой «бородой»: сплетня о плагиате преследовала Шолохова практически на протяжении всей его сознательной жизни, отравляла ему существование, мешала работать. Еще в 1929 году Шолохов писал Фадееву: *«А то ведь так: только ты за перо, а нечистый тут как тут: «А ты не белый офицер? А не старуха за тебя писала романишко? А кулаку помогаешь? А в правый уклон веруешь?»* Во всем этом Шолохова обвиняли еще тогда, в 20-х годах.

Так что у «проблемы авторства» есть своя история – немалая и весьма поучительная. Несколько раз активизировалась кампания против Шолохова с использованием обвинений в плагиате, и каждый раз она была связана с внелитературными, политическими обстоятельствами. Поэтому история «дела о плагиате» лучше всего выявит его подоплеку.

3. Версия о плагиате.

История вопроса: шесть витков антишолоховской кампании.

ВИТОК ПЕРВЫЙ: 1928 –1929 гг.

Впервые слухи о плагиате появились (в РАППовских кругах) в 1928 году, когда вышли первые два тома романа и вызвали необычайный интерес в стране и за рубежом. Речь шла о том, что Шолохов нашел рукопись в полевой сумке убитого белого офицера. Фактической основы никакой – только молва.

Слух распространился очень широко, дошел даже до Горького – на Капри. По свидетельству И.Шкапы, Горький однажды спросил у него: *«А вы слышали, что шолоховский роман – плагиат? Шолохов содрал с какого-то автора».*

Особенно неистовствовали рапповцы. Один из них, довольно известный в кругах так называемых «пролетарских писателей», Феоктист Березовский говорил: *«Я старый писатель, но такой книги, как «Тихий Дон», не мог бы написать. Разве можно поверить, что в 23 года, не имея никакого образования, человек мог написать такую глубокую, такую психологически правдивую книгу... Что-то неладно».* Иногда именно его называют в качестве первоисточника сплетни, которая и родилась из такого рода сомнений и скептических отзывов.

Александр Серафимович тогда же не только не поверил этим слухам, но и взял под защиту Шолохова, тем более, что и ранее очень высоко оценивал его «Донские рассказы»: *«Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем*

пишет. Тонкий, схватывающий глаз... Все данные за то, что Шолохов развернется в ценного писателя». А теперь с негодованием отзывался о неизвестных авторах сплетен: «Нашлись завистники – стали кричать, что он у кого-то украл рукопись. Эта подлая клеветническая сплетня поползла буквально по всему Союзу. Вот ведь псы!»⁹.

В связи с этим тогда же по инициативе сестры Ленина М.И.Ульяновой (она работала в РАБКРИНЕ – тогдашнем главном контрольном органе – рабоче-крестьянской инспекции) и под ее председательством была создана комиссия по разбору этого дела. Шолохов представил в комиссию черновые и белые рукописные варианты 1 и 2 томов романа, первый вариант (тот, что назывался первоначально «Донщина» – о корниловском мятеже и событиях в Петрограде), планы, наброски материалов 3 и 4 томов, даже рисунки к роману, сделанные рукой старшей дочери Светланы, и т.п.

В составе комиссии, состоявшей из верхушки РАППа, только один человек – А.Серафимович – не сомневался в Шолохове и мог считаться его сторонником, все же остальные – ярые рапповцы – были врагами Шолохова, ненавидевшими его. Среди недоброжелателей в числе членов комиссии был и А.Фадеев¹⁰.

После изучения комиссией представленных Шолоховым материалов, весной 1929 года в «Правде» был опубликован ее вердикт, полностью снимавший какие-либо подозрения в плагиате. И подписали это оправдательное заключение ВСЕ члены комиссии, в том числе и яростные враги Шолохова: Леопольд Авербах, В.Киршон, В.Ставский. Подписал его и А.Фадеев. В заключении комиссии говорилось: *«Врагами пролетарской диктатуры (чувствуется «железное» рапповское перо! – С.С.) распространяется злостная клевета о том, что роман Шолохова является якобы плагиатом, что материалы об этом имеются якобы в ЦК и в прокуратуре.*

Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей.

Пролетарские писатели, работающие не один год с Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном», материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей.

⁹ Серафимович А. Собр соч.: в 7 тт. М., 1960, т. 7, с. 550 (письмо к П.Е.Безруких от 12.05.1929).

¹⁰ После этого случая, а также после событий 1938 года, когда Фадеев отказался помочь Шолохову в смертельно опасной для него ситуации (об этом речь будет ниже), Шолохов и Фадеев разошлись навсегда, отношения их были весьма сложными, даже порой враждебными – до самой смерти Фадеева. Фадеев был единственным из членов Комитета по Сталинским премиям, кто голосовал против присуждения премии Шолохову за «Тихий Дон». Когда Шолохова спрашивали, «как он использовал метод социалистического реализма в «Тихом Доне» (а этот вопрос ему задавали часто), он отвечал обычно так: «Я написал то, что написал. А о соцреализме спрасите у Фадеева».

Никаких материалов, порочащих работу Шолохова, нет и не может быть в указанных выше учреждениях, потому что материалов таких не существует в природе»¹¹.

Представленные Шолоховым в комиссию материалы остались в Москве. Так закончился первый, но далеко не последний этап этой истории.

Любопытно, что в наше время делаются упорные попытки сделать «соучастником» Шолохова в плагиате того единственного писателя – члена комиссии Ульяновой, который с самого начала был на стороне Шолохова – Александра Серафимовича. В частности, Рой Медведев говорит (без доказательств, только на основании неких «слухов», что в начале 20-х годов сестра донского писателя Федора Крюкова принесла Демьяну Бедному (!) чемодан с какими-то бумагами, а Бедный якобы передал их Серафимовичу, тот же, в свою очередь, мог (!) передать их Шолохову¹². Александр Солженицын в предисловии к книге Д. «Стремя «Тихого Дона» подозревает Серафимовича в сокрытии истины о шолоховском плагиате: *«Видимо, истинную историю этой книги знал, понимал Александр Серафимович, донской писатель преклонного к тому времени возраста. Но, горячий приверженец Дона, он более всего был заинтересован, чтобы яркому роману о Доне был открыт путь, всякие же выяснения о каком-то «белогвардейском» авторе могли только закрыть печатание. И, преодолев сопротивление редакции «Октября», Серафимович настоял на печатании романа и восторженным отзывом в «Правде» (19 апр. 1928 г.) открыл ему путь»¹³.*

Смысл и цель этого пассажа ясны: поставить под сомнение позицию и честность самого авторитетного члена комиссии М.И.Ульяновой – А.Серафимовича.

ВИТОК ВТОРОЙ: 1930 – 1931 гг.

Этот виток, без сомнения, связан с остановкой публикации 3 тома «Тихого Дона», в котором воспроизведены события, предшествовавшие Вешенскому восстанию, и начало этого восстания против Советской власти. Публикация 3 тома «Тихого Дона» была остановлена, прервана буквально на полуслове: руководство РАППа и редколлегия журнала «Октябрь» принимают такое решение и мотивируют его следующим образом: *«В третьей книге Шолохов придумал какое-то контрреволюционное Вешенское восстание, а выдумавши, встал на его защиту».* Фадеев, ставший редактором «Октября», потребовал выбросить из текста 30 глав – а это и рассказ казака-возницы о «художествах» комиссара Малкина в станице Букановской, о Штокмане, требовавшем казаков

¹¹ Правда, 1929, 29 марта.

¹² Ермолаев Г. О книге Р.А.Медведева «Кто написал «Тихий Дон» (Париж, 1975) // Вопросы литературы 1989, № 8, с. 194.

¹³ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с.7-8

«расстреливать с кондачка», и многое другое: *«Я сказал (Шолохову), что нужно выкинуть ко всем чертям, у тебя эти места не удались»*¹⁴.

В чем причина придинок и остановки публикации? Не в последнюю очередь - в том, что в этом третьем томе Шолоховым были названы имена конкретных виновников восстания - тех, кто творил ужасающие репрессии на Дону во исполнение зверской директивы Свердлова, приказов Троцкого о расказачивании: председатель Донбюро Сырцов, комиссар Малкин. А в это время (конец 20-начало 30-х годов) Сырцов был председателем Совнаркома РСФСР, а Малкин – член коллегии ОГПУ, ближайший подручный Генриха Ягоды, – люди весьма сильные и имевшие большие возможности влияния на литературные дела.

Публикация третьей книги была задержана почти на три года. И только вмешательство Сталина сдвинуло дело с мертвой точки (Шолохов обратился с письмом к Горькому, Горький устроил встречу Шолохова со Сталиным у себя в особняке на Никитской, произошел длительный разговор-допрос в течение нескольких часов, после которого Сталин сказал: *«Тихий Дон» печатать будем»*).

И вот в это время снова возникла версия о плагиате. На этот раз она приняла более конкретные очертания, и в качестве подлинного автора романа фигурировало уже реальное лицо – Сергей Голоушев.

Это друг Леонида Андреева, художественный критик и искусствовед, печатавшийся под псевдонимом Сергей Глаголь. В 1917 году Леонид Андреев редактировал газету «Русская воля». Сергей Голоушев в августе 1917 года две недели был на Дону и по своим впечатлениям от этой поездки написал очерк «С Тихого Дона», который и был предложен для печати в газете «Русская воля» ее редактору Леониду Андрееву. Леонид Андреев очерк не напечатал и свой отказ мотивировал в письме Голоушеву от 3 сентября 1917 года так: *«Твои путевые и бытовые наброски не отвечают ни любопытству читателя, ни серьезным запросам. Вещь непригодная: они пухлявы и малоубедительны. Ведь это же сырье, которое еще надо обработать»*.

Голоушев опубликовал свой очерк «С Тихого Дона» в эсеровской газете «Народный вестник», где его и можно прочесть¹⁵.

Но это все лишь предыстория. История же заключается в следующем. В 1930 году выходит сборник писем Леонида Андреева к друзьям под названием «Реквием. Памяти Л.Андреева». В нем публикуется и цитированное выше письмо Андреева Голоушеву. Но в книжке этой заглавие очерка изменено – не «С Тихого Дона», а «Тихий Дон», добавлены строки *«роман с весьма спокойными описаниями в бытовых тонах»*, трижды вписана фраза: *«Твой «Тихий Дон»*. Ничего этого не было в подлиннике андреевского письма. Подлинник этот составители сборника изъяли из архива, заменив машинописным текстом с исправлениями и

¹⁴ См.: Осипов В. М.Шолохов. Годы, спрятанные в архивах. // Роман-газета, 1995, № 3, с. 5.

¹⁵ Народный вестник, М., 1917, № 12, 17 сентября и № 13 – 14, 28 сентября.

дополнениями – то есть текстом фальсифицированным, к тому же без подписи Леонида Андреева, которая была на подлиннике.

Понятно, что фальсификация была сделана не без умысла (а о ней современные разоблачители Шолохова не вспоминают, и когда пишут об этом, то цитируют фальсифицированную версию андреевского письма, выдавая ее за подлинную)¹⁶. И.Медведева-Томашевская и А. Солженицын в книге «Стремя Тихого Дона» выдвигают версию о том, что С.Голоушев был лишь посредником и передал Андрееву рукопись Ф.Крюкова, которую получил в свою очередь от Серафимовича (опять впутан Серафимович!). Но Крюков не нуждался для этого в посредничестве ни Голоушева, ни Серафимовича, так как лично знал Андреева и не раз бывал на литературных вечерах в квартире Андреева. Кроме этого, рукопись, о которой идет речь, была как-никак опубликована тогда же, только не в газете Андреева, а в эсеровском «Народном вестнике», и опубликована именно под фамилией Голоушева.

Но тогда, в 1930 году, когда вышел сборник писем Андреева, камень был брошен, и круги от него снова разошлись очень широко. Шолохов в апреле 1930 года пишет обо всей этой истории Серафимовичу: *«Я получил ряд писем от ребят из Москвы и от читателей, в которых меня запрашивают и ставят в известность, что вновь ходят слухи о том, что я украл «Тихий Дон» у критика Голоушева – друга Л.Андреева – и будто неоспоримые доказательства тому имеются в книге-реквиеме памяти Л.Андреева, сочиненной его близкими. На днях получаю эту книгу и письмо от Е.Г.Левицкой. Там подлинно есть такое место в письме Андреева С.Голоушеву, где он говорит, что забраковал его «Тихий Дон». «Тихим Доном» Голоушев – на мое горе и беду – назвал свои путевые и бытовые очерки, где основное внимание (судя по письму) уделено политическим настроениям донцов в 1917 г. Часто упоминаются имена Корнилова и Каледина. Это и дало повод моим многочисленным «друзьям» поднять против меня новую кампанию клеветы. Что мне делать, Александр Серафимович? Мне крепко надоело быть «вором». На меня и так много грязи вылили. А тут для всех клеветников удачный момент: третью книгу моего «Тихого Дона» не напечатают. Это дает им (клеветникам) повод говорить: «Вот, мол, писал, пока кормился Голоушевым, а потом и «иссяк родник»¹⁷.*

Вот второй всплеск антишолоховской кампании еще в те далекие годы.

¹⁶ См : Д.. «Стремя Тихого Дона» // Загадки «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 80-81.

¹⁷ Цит. по: Хьетсо Г, Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон» М., 1989, с. 26-27. Это письмо публиковалось ранее в работах о Шолохове Л.Якименко, В.Гуры, Ф.Абрамова.

ВИТОК ТРЕТИЙ: 1937 – 1938 гг.

Одна из самых страшных страниц шолоховской биографии приходится на годы «ежовщины» (1937-1938).

Еще нарком госбезопасности Генрих Ягода при встречах с Шолоховым, вспоминая «Тихий Дон», говорил писателю: «*А ведь ты, Миша, контрик*», - и при этом многозначительно улыбался. Так было не раз.

А при Ежове наступили совсем тяжелые времена: над Шолоховым, над его ближайшими друзьями сгустились тучи. И – оживились замолкнувшие было толки о плагиате. В редакции, в московские учреждения с Дона хлынула масса писем – анонимных – с обвинениями в плагиате. И впервые в это время возникает имя Федора Крюкова.

Шолохов – на подозрении в НКВД. И в Москве, и в Ростове чекисты готовят провокации против Шолохова.

Первое покушение происходит в Москве в 1937-м. Однажды после какого-то литературного собрания ответственный секретарь НКВД Павел Буланов взялся «подбросить» Шолохова на своем автомобиле в гостиницу «Националь», где писатель остановился. По дороге предложил заехать к нему домой: у него гости, очень интересные люди, «заодно и нового щенка посмотришь». Приехали. В доме – никого: ни жены, ни собаки, ни гостей. На столе беспорядок: рюмки, грязная посуда. «Видимо, уже ушли, а жена отправилась провожать», - сказал Буланов и предложил выпить. Из закуски оказалась только банка консервов с одной-единственной сардинкой. Выпили по рюмке водки, Буланов разделил пополам сардинку, но сам есть не стал и отвез Шолохова в гостиницу. Вскоре Шолохов почувствовал невыносимые боли в животе. Вызвали «скорую», та отвезла его не куда-нибудь, а в «кремлевку» - Кремлевскую спецбольницу. Врач осмотрел, поставил диагноз: острый аппендицит, нужна срочная операция. Шолохова уже положили на операционный стол, и вдруг он заметил, что одна женщина из группы врачей, не отводя глаз, пристально смотрит на него, как бы умоляя: «*Не соглашайся! Вставай! Уходи!*». Так он и сделал. Никакого аппендицита не оказалось. В гостинице повар, любивший писателя, сделал ему промывание желудка – снял отравление.

«Я никогда больше не встречал этой женщины, - вспоминал Шолохов. - Даже фамилии ее не знаю. Так что и поблагодарить не мог свою спасительницу». Он знал, что в этой больнице в 1926 году по приказу Сталина умер на операционном столе Михаил Фрунзе.

Второе покушение – так называемое «донское дело» – готовилось долго и тщательно. Главное действующее лицо – сотрудник Ростовской ЧК Коган. Исполнителем операции против Шолохова был подобран бывший чекист (он с 1923 года уже не работал в ЧК) секретарь партийной организации Новочеркасского политехнического института 34-летний Иван Погорелов. Он не выполнил задание секретаря горкома Дербенева и секретаря обкома Евдокимова и отказался исключить из партии 42-х старых коммунистов – сотрудников института, которые тем не

менее были затем исключены из партии решением горкома и все арестованы. Погорелова вызвали в областной отдел НКВД и «для искупления вины» и под угрозой ареста предложили принять участие в секретной операции - войти в доверие к Шолохову, найти на него компромат, так как облотделу известно, что Шолохов готовит восстание донских, кубанских и терских казаков против Советской власти.

Погорелов отказался, но его предупредили: «Выбирайте сами – или изоляция, или выполнение задания». Погорелов попросил разрешения подумать – ему дали время до утра, не выпуская из кабинета. Он решил попытаться спасти Шолохова и для этого согласиться с предложением чекистов. Для руководства операцией и для связи с Погореловым был назначен сотрудник Ростовского облотдела НКВД Коган (Погорелов в своих воспоминаниях назвал его Эпштейном, но потом своей рукой поправил фамилию на «Коган»). Погорелов решил добыть хоть какое-то доказательство, что он действует по приказу чекистов. И ему удалось: Коган по его просьбе нарисовал в его записной книжке схему конспиративной квартиры в Ростове, где они должны встречаться, и дорогу к ней. А потом Погорелов встретил закомого ему секретаря Вешенского райкома партии Лугового – друга Шолохова, которого потом, позже, писатель вырвет из тюрьмы НКВД, и договорился с ним о встрече с Шолоховым. На встрече он все рассказал Шолохову; они оба бежали с Дона и разными путями добрались до Москвы, где Шолохов стал добиваться встречи со Сталиным. Тот долго не принимал его, Шолохов обратился к Фадееву как члену ЦК с просьбой помочь, вступить за него. Фадеев отказался что-либо предпринимать. Расстроенный Шолохов крепко выпил. И вот тут-то вдруг звонок из Кремля – его вызывают к Сталину. Что делать? Голову под кран. Приезжает в Кремль. Сталин пристально смотрит ему в глаза и спрашивает: *«Пьете, товарищ Шолохов?»*. – *«От такой жизни запьешь, товарищ Сталин»*, - ответил, не медля, Шолохов и рассказал, с чем он к нему пришел.

Разбирательство дела Сталин провел в своем кабинете в присутствии членов Политбюро. Кроме Шолохова и Погорелова, были вызваны также Ежов и сотрудники Ростовского НКВД, участвовавшие в операции, в том числе и Коган.

Ежов огласил заключение НКВД. Шолохов обвинялся в саботаже, контрреволюционной деятельности, шпионаже. Это многостраничный документ с множеством эпизодов: высказывания Шолохова, числа, имена, даты. Во столько-то часов и минут в дом Шолохова вошел председатель такого-то колхоза – фамилия, имя, отчество. Пробыл в доме столько-то времени. А через день в колхозе этого председателя сгорели два стога сена. Снова – диверсии, даты, имена. Такого-то числа во столько-то часов и минут в дом Шолохова вошел директор такой-то МТС, пробыл в доме столько-то времени, а через два дня в МТС вышли из строя три комбайна и шесть тракторов... Назывались фамилии колхозных руководителей, литераторов, которые собственными ушами слышали от Шо-

лохова негативные высказывания о коллективизации, о советском строе, неуважительные характеристики членов политбюро и даже – пауза – Сталина. Всё подробно: где, когда, при каких обстоятельствах, в присутствии каких лиц.

Шолохов выступал дважды. Погорелов рассказал обо всем, что было известно ему. Коган и начальник Ростовского НКВД все, о чем говорил Погорелов, отрицали. Тогда он предъявил свою записную книжку с рисунком и надписями рукой Когана. Тот струсил и на вопрос Сталина: *«Так вы получили задание для товарища Погорелова?»* - все признал: *«Получил, товарищ Сталин»*, - и рассказал о деталях операции, которая была задумана против Шолохова.

Дело было прекращено.¹⁸

И сразу умолкли слухи о плагиате, прекратился поток анонимных писем.

Сам Шолохов многих спас: вытащил из тюрьмы Лугового и других арестованных Вешенских руководителей, ученого-ракетчика Клейменова, сына Андрея Платонова буквально вырвал из лап Берии...

ВИТОК ЧЕТВЕРТЫЙ: 60-е гг.

В середине 60-х годов происходит – и теперь уже навсегда – резкое обострение отношений Шолохова с диссидентами, которые с этого момента становятся яростными врагами Шолохова. Здесь сыграло свою роль присуждение Шолохову Нобелевской премии, его резкие выступления против Синявского и Даниэля, а также нелицеприятные оценки Солженицына.

Нобелевская премия была присуждена Шолохову в 1965 году. Главным агитатором за присуждение Шолохову Нобелевской премии стал французский писатель и философ Жан-Поль Сартр. Ему самому премия была присуждена в 1964 году, но он отказался ее получать. В одном интервью газете «Известия» Сартр объяснил свой поступок так: он не может получать эту высокую премию, пока не получит ее более достойный писатель – Михаил Шолохов. Кстати, в своем заявлении об отказе, направленном в Шведскую академию, Сартр написал еще и следующее: *«Достойно сожаления, что премию присудили Пастернаку прежде, чем Шолохову, и что единственное советское произведение, удостоенное награды, - это книга, изданная за границей»*¹⁹.

В 1966 в выступлении на XXIII съезде КПСС Шолохов резко высказался в адрес диссидентов Синявского и Даниэля, публиковавших антисоветские произведения под псевдонимами за границей и осужденных к заключению в лагеря. Он назвал их «оборотнями» и напомнил о правовых реалиях 20-х годов, когда за такие же дела люди получали намного более тяжкие наказания. В ответ в «Самиздате» было распространено

¹⁸ См.: Погорелов И. Покушение на Шолохова. // Молодая гвардия, 1989, № 5, с. 174-193.

¹⁹ См.: Жуков И. Рука судьбы. М., 1994, с. 81.

«Открытое письмо Шолохову» Лидии Чуковской, в котором Шолохов, в свою очередь, не без основания был подвергнут резкой критике за антигуманизм этой его знаменитой, шокирующей речи. Письмо Чуковской стало одним из главных пропагандистских документов диссидентского «Самиздата».

И как раз в это время вновь поползли слухи о плагиате, на этот раз из диссидентской среды, группировавшейся вокруг «Нового мира». Сведения об этом содержатся в книге Джона Бэррона о КГБ²⁰.

Бэррон основывается на сведениях, полученных от советского эмигранта Александра Якушева, которые тот узнал, по его словам, в редакции «Нового мира». В книге Бэррона об этом рассказано так:

«В начале 1968 года в редакцию пришло пространное письмо от одной ленинградки, в котором она утверждала, что ее брат написал роман о своей службе в рядах белой гвардии во время гражданской войны. В начале 20-х годов он был арестован и приговорен к расстрелу. Опасаясь, что в случае его смерти роман будет утерян, брат этой женщины рассказал священнику, сидевшему с ним в одной камере, где спрятана рукопись... Из записки, написанной ее братом перед казнью, ей стало известно о существовании рукописи, тайна которой была доверена священнику. От соседей она также узнала, что следователем ОГПУ, допрашивавшим священника, был не кто иной, как Михаил Шолохов»

Женщина так и не нашла рукописи брата. Однако она обнаружила черновик романа и записи, использованные при его написании. *«В письме говорилось, что, за исключением незначительных разночтений, в основном в именах и диалогах, черновик, который она сохранила, полностью совпадает с текстом «Тихого Дона», опубликованного под именем Шолохова»²¹.*

Редактор «Нового мира» Твардовский ответил на письмо, посоветовав женщине передать рукопись в прокуратуру. Позже Твардовский якобы посетил эту женщину, и она сказала ему, что последовала его совету. В прокуратуре же Твардовскому якобы посоветовали не вмешиваться. Кроме того, друзья рассказывали Твардовскому, что за несколько дней до его поездки в Ленинград туда приезжал Шолохов и был в прокуратуре.

Здесь важно иметь в виду два факта, которые под корень «режут» всю эту версию. Шолохов никогда не был следователем ОГПУ и не мог кого бы то ни было допрашивать. И второе: в 1968 году Шолохов ни разу не был в Ленинграде. Сам автор книги о КГБ Джон Бэррон пишет, что эта история никоим образом не является «доказательством плагиата»²².

²⁰ Barron J. KGB. The Secret Work of Soviet Agents. London. 1974. P.105

²¹ Цит по кн.: Хьетсо Г и др. Кто написал «Тихий Дон»? М., 1989, с.33

²² Там же, с.34

ВИТОК ПЯТЫЙ: 70-е годы.

Этот всплеск антишолоховской кампании был самым серьезным. По времени он также был не случайным и приурочен к 70-летию писателя. Самое активное участие в нем принял Александр Солженицын, и именно благодаря этому вся история получила очень большой, можно сказать, всемирный резонанс.

В 1974 г. В Париже на средства Солженицына и с его предисловием была издана книга «Стремя «Тихого Дона», автор которой был обозначен буквой «Д» (только в 1990 г. издатель книги Никита Струве раскрыл этот псевдоним²³). В книге была выдвинута гипотеза о том, что автором «Тихого Дона» является донской писатель Федор Крюков, а Шолохов – только его непрошенный соавтор, и делалась попытка доказательства этой гипотезы. Автор считал, что текст 1 и 2 томов в основном принадлежит Крюкову, за исключением примерно 12 глав, сделанных «соавтором». 3-я и 4-я книги, наоборот, сделаны большей частью «соавтором»: автору же (т.е. Крюкову) принадлежат из 3-го тома 5 глав целиком и 19 глав частично, а из 4-го – частично текст около 20 глав. Последняя же, 8-я часть романа, целиком принадлежит «соавтору» (т.е. Шолохову).

В 1975 году также в Париже выходит книга Роя Медведева «Куда течет «Тихий Дон?», а в 1976 она переиздается в Англии под названием «Загадки творческой биографии Шолохова». Рой Медведев развивает гипотезу Солженицына и Медведевой-Томашевской с некоторыми уточнениями. Он также считает Федора Крюкова возможным автором романа. Александр Солженицын в 1974 году на пресс-конференции в Стокгольме уже от своего имени, с некоторыми дополнениями и в весьма решительных выражениях изложил основные тезисы и аргументацию версии Медведевой-Томашевской и Роя Медведева. Скандал приобрел мировой размах: речь шла о Нобелевском лауреате, обвинения против которого выдвигал и поддерживал другой Нобелевский лауреат.

В СССР в то время об этом почти ничего не публиковалось, зато на Западе развернулась острая дискуссия. В защиту Шолохова выступили известнейшие западные ученые, в том числе самый авторитетный американский шолоховед Герман Ермолаев, а также Эрнст Симмонс и Глеб Струве²⁴. Группа скандинавских ученых во главе с членом Нобелевского комитета норвежским профессором Гейром Хьетсо предприня-

²³ «Стремя Тихого Дона» – это только гипотеза... Сейчас, воспользовавшись этой беседой с представителем «Литературной газеты», могу впервые раскрыть имя автора «Стремени». Книгу написала жена замечательного литературоведа Бориса Томашевского Ирина Николаевна - сама литературовед» (Струве Никита. Взгляд из Парижа // Литературная газета, 1990, 1 мая). Г.Хьетсо в своей книге приводит утверждение русского писателя-эмигранта Григория Климова (правда, называя его «фантастическим»), что под именем «Д» была опубликована диссертация некоего соискателя на звание доктора филологии в Колумбийском университете, в которой должно было быть доказано, что Шолохов не является автором «Тихого Дона»; за эту диссертацию автору была выделена стипендия в 5000 долларов. (Климов Г. Кто нобелевский лжец и клеветник: Шолохов или Солженицын? // Нью-Йорк. Знамя России. 1977, № 383, с.3 // Хьетсо Г. Кто написал «Тихий Дон»? М., 1989, с. 35).

²⁴ Струве Г. О Шолохове, Ф.Д.Крюкове и «Тихом Доне» // Новое русское слово. 1974, 15 сентября; Еще о Шолохове и Федоре Крюкове. // Новое русское слово, 1974, 13 октября.

ла сравнительный анализ произведений Шолохова и Крюкова при помощи ЭВМ и на основании его данных отвергла гипотезу об авторстве Крюкова, не исключив при этом (так осторожно это формулировалось) авторства Шолохова, пока не доказано нечто иное.

ВИТОК ШЕСТОЙ: 80-90-е гг.

Продолжение этой кампании 70-х годов представляют собой «перестроечный» и современный походы против Шолохова. Газеты, телевидение, радио переполнены антишолоховскими выступлениями, которые совершенно заглушают голоса в защиту Шолохова, к тому же для них затруднен выход в СМИ. Из работ, в которых получает развитие (либо опровержение) гипотеза о плагиате, нужно назвать работу израильского литературоведа Зеева Бар-Селлы «Тихий Дон» против Шолохова» и опубликованную в «Новом мире», а затем в других изданиях работу А.Г. и С.Э.Макаровых «Истоки «Тихого Дона», а также выступления за и против Шолохова в нескольких номерах журнала «Вопросы литературы»^{25 26}.

Позже я изложу все основные аргументы обвинения и защиты, выдвинутые в ходе дискуссий 70-х и 80-90 гг. Но прежде, чем это сделать, необходимо остановиться на проблеме «Шолохов и Солженицын», поскольку именно Солженицын был и инициатором, и во многом организатором, и духовным отцом всех антишолоховских кампаний последних десятилетий, начиная с издания книги «Стремя Тихого Дона».

4. Шолохов и Солженицын.

Причин, по которым Солженицын стал главным врагом Шолохова, несколько: творческое соперничество, политические разногласия, резко отрицательные оценки Шолоховым Солженицына и его произведений.

Что касается творческого соперничества, то автор «Красного колеса» соперников себе в литературе видит в писателях только самого высокого, можно сказать, высочайшего уровня, и, конечно, прежде всего в Горьком и Шолохове. В Шолохове особенно, потому что, по словам французского исследователя А. Солженицына Жоржа Нивы, *«влюблен в книгу Шолохова потому, что его собственная эпопея «соседствует» с нею»*²⁷.

²⁵ Вопросы литературы, 1989, № 8 ; 1990, № 5 ; 1991, № 2.

²⁶ Принципиальное значение имело обнаружение в 1991 году московским журналистом Л.Колодным рукописей «Тихого Дона», до той поры считавшихся безвозвратно утраченными. С этого момента все умозрительные, не опирающиеся на текстологический анализ рукописей «версии» можно считать изначально не имеющими никакого отношения к науке. Но это, без преувеличения, «открытие века» СМИ было замолчано или смазано, а «дискуссии» о шолоховском «плагиате» продолжены как ни в чем не бывало без обращения к этому поистине бесценному источнику.

²⁷ Нива Жорж. Солженицын: главы из книги // Дружба народов, 1990, № 5, с. 236

В том, что один крупный художник не признает другого, нет ничего необычного. В литературе, в искусстве это дело обыкновенное:

- Пушкин не оценил Тютчева;
- Флобер – Стендаля;
- Чайковский – Брамса;
- Толстой ниспровергал Шекспира;
- Тургенев крайне резко оценивал Толстого;
- Чехов сомневался в таланте Ибсена и т.д.,

примеры можно продолжать. Но никто прежде не переходил на личности. Здесь же, помимо искренней или неискренней борьбы за «истину», отчетливо просвечивает и другая цель – во что бы то ни стало опорочить Шолохова как человека²⁸.

Отношения между Шолоховым и Солженицыным поначалу вроде бы ничто не омрачало. Шолохов высоко оценил появление первой повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и, по словам опубликовавшего ее в 1962 году Твардовского, просил «передать поцелуй»²⁹ ее автору. В том же году они впервые увидели друг друга на встрече с литераторами, которую устроил на Ленинских горах 17 декабря Хрущев.

Через три дня, 20 декабря, Солженицын направил Шолохову в Вешенскую письмо-открытку, в которой писал: *«Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, - помешали мне выразить Вам мое неизменное чувство: как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона»»³⁰.*

После присуждения Шолохову Нобелевской премии, его речи с осуждением Синявского и Даниэля³¹, и в особенности после реакции Шолохова на другие произведения Солженицына и шолоховского письма в секретариат Союза писателей в связи с предстоявшим там обсуждением в сентябре 1967 года «дела Солженицына», «неизменное чувство» Солженицына к «автору бессмертного «Тихого Дона» резко измени-

²⁸ На эти методы борьбы Солженицына со своими противниками обратил внимание даже такой критик Шолохова, как Рой Медведев: «Солженицын нисколько не стесняется в средствах. В полемическом пылу он слишком часто стал прибегать и к явным искажениям, и к передержкам, к сознательному замалчиванию фактов, а также к тенденциозному очернению людей, с чьими взглядами он не согласен». («Правда, 1990, 26 августа, с. 4). Впрочем, грубость солженицынских оценок несимпатичных ему людей, особенно писателей, хорошо известна. В его «Теленке», например, Тихон Хренников – «разжиревший вышибала», Федин – «с лицом порочного волка», «полканистый Соболев», «дряхлый губошлеп Эренбург», «свинокартошка Александр Прокофьев», «жертв и заика Михалков», «разъевшийся лис Марков», «волковатый Кочетов», «коренастый вышибала Воронков», ну и, разумеется, «палаческие руки Шолохова», в которые «сунули Нобелевскую премию».

²⁹ Письмо А.Т.Твардовского К.Федину. // Огонек, 1989, № 47, с. 6

³⁰ Судьба Шолохова. Специальный выпуск «Литературной России», посвященный 85-летию со дня рождения М.А.Шолохова. 1990, 23 мая, с. 19. См. также: Васильев В. Ненависть. // Молодая гвардия, 1991, № 11-12, с.242

³¹ Шолохов не подписал накануне процесса над ними написанное по инициативе ряда зарубежных писателей письмо 62 литераторов с просьбой взять осужденных на поруки. Не подписал это письмо, кстати, и Солженицын, мотивировавший свой отказ словами: «Негоже русскому писателю искать славы за границей». Жена Синявского Мария Розанова прокомментировала это так: «Самое замечательное, что в этот момент уже все его произведения были переправлены за границу и готовились там к публикации» (См. Васильев В. Указ соч., с. 243)

лось: он стал его главным и самым яростным противником. Шолохов в письме в Секретариат Союза писателей высказался о Солженицыне резко и нелюбезно:

«Прочитал Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом». Поражает – если так можно сказать – какое-то болезненное бесстыдство автора, указывающего со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи, допущенные Советской властью. Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в оперативном стиле, да еще виршами, такими примитивными и слабенькими, каких избегали в свое время даже одержимые поэтической чесоткой гимназисты былых времен! О содержании и говорить нечего. Все командиры русские и украинец либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга? Или только персональными стараниями автора?»

Почему в батарее из «Пира победителей» все, кроме Нержина и «демонической» Галины, никчемные, никудышные люди? Почему осмеяны солдаты русские («солдаты-поварята») и солдаты татары? Почему власовцы – изменники Родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных наших, прославляются как выразители чаяний русского народа? На этом же политическом и художественном уровне стоит и роман «В круге первом».

У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне (в частности, после его письма к съезду писателей в мае этого года), что он – душевнобольной человек, страдающий манией величия. Что он, Солженицын, отсидев некогда, не выдержал тяжелого испытания и свихнулся. Я не психиатр, и не мое дело определять степень пораженности психики Солженицына. Но если это так, - человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37 года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям, и молодым особенно.

Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек. И в том и в другом случае Солженицыну не место в рядах ССП. Я безоговорочно за то, чтобы Солженицына из Союза советских писателей исключить»³².

С этого момента Солженицын становится не только яростным врагом Шолохова, но и вдохновителем антишолоховской кампании. Книга И.Медведевой-Томашевской «Стремя «Тихого Дона» готовится с его непосредственным участием и под его руководством. Об этом он сам рас-

³² Это письмо впервые опубликовано в печати В. Васильевым в 1991 году. См.: Васильев В. Ненависть (заговор против русского гения) // Молодая гвардия, 1991, № 11-12, с. 246-247.

сказал в дополнениях к книге литературных мемуаров «Бодался теленок с дубом». Каждый, кто прочтет «Стремя..», не может не обратить внимания на многочисленные приметы сугубо солженицынского лексикона и стилистики в ее основном тексте (вот, наудачу: «болотное фронтовое сидение», «запятнание», «предвестные толчки», «держимордство», «последне-трагический момент», «могшими», «порядлив», «сочинен по-верх» и т.д и т.п. Эти и многие-многие другие словечки, пестрящие в тексте книги «Стремя «Тихого Дона», - отнюдь не в литературоведческом стиле И.Н.Медведевой-Томашевской, но зато вполне в стиле солженицынской публицистики³³. Впору хоть выдвигать гипотезу «автора и соавтора» применительно к нашумевшей парижской книжке, вышедшей под псевдонимом «Д».

Но теперь о «проблеме авторства» - по существу выдвигавшихся в ходе развернувшейся с середины 70-х годов дискуссии тезисов.

БЫЛ ЛИ ПЛАГИАТ ? PRO ET CONTRA. (детективный» аспект дискуссии)

Под рубрикой «**pro**» далее будут изложены аргументы в пользу версии о шолоховском плагиате, под рубрикой «**contra**» – против этой версии.

5. PRO ET CONTRA: АРГУМЕНТЫ БИОГРАФИЧЕСКИЕ.

□ 1. ВОЗРАСТ ШОЛОХОВА.

PRO:

Публикация «Тихого Дона» началась в 1928 году. К этому времени были написаны уже первые две книги романа. Согласно официальной биографии, Шолохов родился в 1905 году и, стало быть, к этому моменту ему было всего лишь 23 года. Не может быть, чтобы в столь молодом возрасте человек мог написать столь глубокое и значительное произведение. Этот аргумент повторяется всеми сторонниками версии о плагиате.

А.Солженицын: «Случай небывалый в мировой литературе. 23-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем свой жизненный опыт»³⁴.

³³ Это отмечено, в частности, В.Васильевым: «В тексте письма «Д» (то есть Медведевой-Томашевской), как, впрочем, и в самой книге, можно поймать себя на ощущении, что имеешь дело с интонацией, энергией слога, стилем и синтаксисом самого Солженицына, прибегающего довольно часто в известных случаях к излюбленным метафорам и редким ядерным словам, употребляемым ради расширения усыхающего русского словаря. К примеру, в письме «Д»: «За весну и лето, несмотря на всевозможные помехи, сделал три новые главы, которыми, наконец, завершилась (удовлетворяя) часть историческая. Эти главки нужно сейчас только *подтесать* и *угладить*, к чему, надеюсь, уже помех не будет». Характерные для Солженицына вставки в скобках, инверсии с определениями и глаголами в конце предложения, сравнения писательского дела с искусством столяра, редкое словцо «угладить». (см: Васильев В. Ненависть (заговор против русского гения). // Молодая гвардия, 1991, №№ 11-12, с. 251 (выделено автором).

³⁴ Предисловие к книге «Стрежень «Тихого Дона» // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. 1996, с.7

Р.Медведев: «Откуда и когда пришло к Шолохову художественное мастерство? Ведь ему, когда он начал писать «Тихий Дон», было всего 20 лет?»³⁵.

CONTRA:

- Документально подтвержденной биографии Шолохова нет. И русские, и зарубежные источники указывают разные даты рождения: от 1902 до 1905. В деле гимназиста Шолохова в документах московской гимназии, где он учился, в графе “год рождения” указан не 1905, а 1903 год. Есть немало свидетельств о том, что во время гражданской войны мать Шолохова выхлопотала ему у священника новые документы, чтобы смягчить возможный суровый приговор (Шолохов был под судом во время службы в продотряде “за превышение власти”). Кстати, ему дважды угрожал расстрел: тогда и еще раз однажды, когда он попал в плен к махновцам. *“На ранних фотографиях он выглядит куда старше своих “официальных” лет. И женился он, как получается по анкетным данным, чуть ли не в семнадцать лет”*³⁶. Два- три года – немалый срок для тех времен, когда 14-летние командовали полками.
- Теперь что касается “небывалого в мировой литературе случая”. В таком же возрасте были написаны: “Записки Пиквикского клуба” Диккенса, “Будденброки” Г.Манна, “Гец фон Берлихинген” Гете, “Герой нашего времени” Лермонтова, “Барсуки” Леонова, “Разгром” Фадеева, “Коварство и любовь” Шиллера (а “Разбойники” – в 21 год). Пушкин в этом возрасте начал “Евгения Онегина”, а Артур Рембо все свои стихи и поэмы написал до наступления 16-летия.
- Мог ли **пожилой** автор «Тихого Дона» (ну, например, Ф.Крюков, которому было за 50) написать об отце Аксиньи: **«пятидесятилетний старик»** или о самой Аксинье, когда ей около 20 лет: **«Не лазоревым цветом, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветет поздняя бабья любовь»?** Так видеть своих героев мог только очень молодой автор, и такого рода примет можно немало увидеть в тексте «Тихого Дона».
- А вот суждение о «Тихом Доне» писателя Александра Зиновьева, не сомневающегося, что автор его – Шолохов: **«Такую гениальную книгу мог написать только начинающий автор»**

□ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ШОЛОХОВА.

PRO:

Аргумент сводится к тому, что Шолохов по происхождению – не казак. Хотя и родители, и сам он прожили всю жизнь на Дону, но мать его –

³⁵ Вопросы литературы, 1989, № 8. С. 166

³⁶ Семанов С. Восстановленный «Тихий Дон» // Наш современник, 1998, № 1, с. 239

украинка, отец (и отчим, чью фамилию он носил) – «иностранцы» (то есть жители Дона, но не относящиеся к казачьему военно-крестьянскому сословию).

А.Солженицын: *«Тихий Дон» написан в чужом ключе по отношению к собственному автору. Автор посвящает всю книгу защите донского казачества против иногородних и его сепаратизму от России. Шолохов же – как раз иногородний»* (на пресс-конференции в Стокгольме 12.12.74). В предисловии к книге «Стремя «Тихого Дона»: Шолохов *«сам происхождением и биографией «иногородний»*³⁷... В статье «По донскому разбору»: *«И почему у «иногороднего» пафос против иногородности?»*³⁸.

Р.Медведев: *«Казачью эпопею не мог бы написать не казак по крови и воспитанию». «По своему основному происхождению и социальному положению Шолоховы были «иногородними», и формирование молодого Шолохова протекало вне казачьей среды и казачьих традиций»*³⁹.

CONTRA:

- К вопросу о «крови». Лев Толстой написал повесть «Казачья кровь», поражающую проникновенным изображением психологии и быта терских казаков. Какое отношение имеет Толстой к казакам «по крови»?
- О воспитании Шолохова «вне» казачьих традиций. Почему же «вне»? Шолохов родился, рос, воспитывался на Дону, женился на настоящей казачке, дочери бывшего станичного атамана, род Шолоховых связан с Доном с XVI века. *«Отец Шолохова владел мельницей на хуторе Кружилинском, откуда будущий знаменитый писатель «не вылезал» в детстве»*⁴⁰ (не оттуда ли сцены драки казаков с «хохлами» на моховской мельнице в «Тихом Доне»?). Все друзья Шолохова – казаки. Один из друзей – Харлампий Ермаков – прототип Григория Мелехова. Он был расстрелян в 1927 году «за прошлые грехи» – за участие в Вешенском восстании. В «расстрельном деле» есть письмо Шолохова Ермакову от 6 апреля 1926 г., в котором писатель сообщал, что собирается снова приехать, чтобы поговорить о некоторых «мелочах Восстания В-Донского» (письмо было изъято у Ермакова при аресте). Сын Харлампия Ермакова до самой своей смерти пользовался поддержкой и покровительством Шолохова, хотя по характеру был горячий – в отца, и не раз попадал в сложные ситуации, из которых Шолохову его приходилось выручать. Все: детство, воспитание, окружение, жизнь среди казаков,

³⁷ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. 1996, с. 7

³⁸ Там же, с. 116

³⁹ Вопросы литературы, 1989, № 8, с.253-254.

⁴⁰ Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, № 11-12, с.254

наконец, сам тихий Дон – вот тот контекст, в котором формировался писатель и откуда в нем его донской, казачий «менталитет».

3. ОБРАЗОВАНИЕ.

Шолохов не имел достаточного систематического образования – вот еще один аргумент в пользу версии о плагиате, который повторяют все ее сторонники.

PRO:

А.Солженицын: *«23-х-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем... свой уровень образованности (4-х-классный)»*.⁴¹

Р.Медведев: *«Странным было бы предположить у 25-летнего писателя, не получившего систематического образования, столь энциклопедические познания всех слоев и сторон жизни казачества, какие видны уже в первой книге «Тихого Дона»*⁴².

Зеев Бар-Селла: *«Мыслимое ли дело: русский писатель-классик с незаконченным четырехклассным образованием (ну, еще два месяца – курсы для продинспекторов)!? Вся биография: не имел, не был, не участвовал... А потом садится, на голове папаха, и в сарае пишет роман века. Сам, кстати, немолод – девятнадцать лет»*⁴³. Он же: *«Шолохов с его звериным невежеством...»*⁴⁴

CONTRA:

- Самообразование – куда больший кладезь мудрости, чем любое формальное систематическое образование. Кстати, отец Шолохова – Александр Михайлович – *«был образованным человеком и владел обширнейшей, насчитывавшей тысячи томов, библиотекой, собранной дядей писателя, зарайским купцом Николаем Михайловичем Шолоховым. По воспоминаниям отца, 14-летний Шолохов обсуждал с ним сочинения Спинозы. Так что все разговоры о формальном образовании Шолохова носят досужий характер»*⁴⁵. Исследователи, в том числе и из числа обвинителей Шолохова, обнаруживают огромное количество источников, использованных при работе над «Тихим Доном», – от антибольшевистской периодики гражданской войны (например, ростовского еженедельника «Донская волна»⁴⁶) и литературы эмиграции, в том числе воспоминаний Деникина, Краснова, Лукомского и мн. др., до пропагандистской «красной» брошюры Френкеля «Донские орлы». Недоброжелатели Шолохова часто удивляются, откуда у него знакомство с эмигрантскими источниками (кстати, вышед-

⁴¹ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с.7

⁴² Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 160

⁴³ Зеев Бар-Селла. «Тихий Дон» против Шолохова // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 121.

⁴⁴ Там же, с. 163

⁴⁵ Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, № 11-12, с. 254

⁴⁶ см.: Соколов Б. «Донская волна» в «Тихом Доне» // Вопросы литературы, 1990, № %, с. 3-23.

шими после смерти Ф.Крюкова – одного из основных выдвигаемых оппонентами Шолохова кандидатов на авторство «Тихого Дона»). Ничего удивительного: этими материалами его снабжала Евгения Григорьевна Левицкая – зав. библиотекой Московского горкома партии в 20-30 гг., друг Шолохова, женщина, которой он всю жизнь был сердечно благодарен и посвятил ей свой рассказ «Судьба человека».

- Систематического образования не получили Максим Горький, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Иван Бунин (он тоже, как и Шолохов, не окончил гимназию и больше нигде не учился). Примеры можно продолжить. Ю.Буйда: *«Насчет же образованности... Обвинение, увы, древнее, как мир. Им воспользовался, например, Роберт Грин в своем знаменитом памфлете «На грош ума, купленного за миллион раскаяния...», где университетский магистр обвинил Шекспира не только в малообразованности, но и в плагиате. Леонид Леонов по окончании гимназии так и не поступил в университет, срезавшись на незнании Достоевского (это автор «Вора», одного из самых «достоевских» романов в русской литературе XX века). Уильям Фолкнер долго скрывал, что в университете он был почтмейстером, а не студентом...»*⁴⁷.
- Впрочем, даже один из самых ярых ненавистников Шолохова, Зеев Бар-Селла, меланхолично признается, что такого рода аргументы и возражения против Шолохова являются «умозрительными»: *«От таких вопросов можно уйти с легкостью: если Шолохов – автор романа, тогда он – гений! А гению закон не писан!»*⁴⁸.

4. РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ С ГРЕМИСЛАВСКИМ. Речь идет о тесте Шолохова.

PRO:

Обвинители считают, что материалы для «Тихого Дона» (рукописи Ф.Крюкова) могли попасть к Шолохову от его тестя, который якобы был другом Крюкова, его соратником и находился рядом с ним в момент смерти Крюкова, от которого и унаследовал «кованый сундучок» с рукописями.

Р.Медведев: *«Вместе с Донской армией отступали также Ф.Д.Крюков и П.Громославский. Есть свидетельства (Какие? Чьи? Не приводится ни одно – С.С.), что Громославский помогал Ф.Д.Крюкову, а после смерти последнего похоронил его с группой казаков недалеко от станции Новокорсунской. Можно предположить поэтому, что именно Громославскому досталась какая-то часть «кованого сундучка» с рукописями Крюкова»*⁴⁹.

Солженицын говорил даже о том, что эти «рукописи», были, возможно, так сказать, «приданым», платой от Гремиславского Шолохову за

⁴⁷ Буйда Ю. «Тихий Дон» течет на запад? // Известия, 1998, 25 февраля.

⁴⁸ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 141

⁴⁹ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 156

то, что тот взял в жены его «дочь-перестарку», по выражению Солженицына (М.П.Шолохова по документам на 4 года старше Шолохова, если считать, что его год рождения 1905-й).

CONTRA:

Мария Петровна Шолохова до конца дней сохранила уникальную красоту. В молодости она была очень похожа на Аксинью из «Тихого Дона». Шолохова и его жену связывало всю жизнь сильное чувство. Так что рассуждения насчет женитьбы на «перестарке» и к тому же по расчету выглядят по меньшей мере странно.

Что касается отца жены Шолохова – Петра Гремиславского, то во время гражданской войны он не был в Новочеркасске рядом с Крюковым, жил в станице Букановской, сочувствовал большевикам, и, стало быть, был врагом Крюкова. Во время Вешенского мятежа вместе с сыном вступил в красную Слащево-Кумылженскую дружину. Летом 1919 г. был захвачен в плен белыми, судим ими и приговорен к 8 годам каторги. Отбывал наказание в Новочеркасской тюрьме вплоть до освобождения красными в 1920 году и не мог сопровождать Крюкова в его последнем путешествии, не мог быть рядом с ним и в момент смерти Крюкова от тифа.

5. «НЕ СВОЙ ОПЫТ...»

Этот аргумент связан с первым – «возрастным», и сводится к тому, что автор «Тихого Дона» обладал таким жизненным опытом и зрелостью, какого не могло быть у 23-25-летнего молодого человека, каким был Шолохов в пору создания первых книг «Тихого Дона».

А.Солженицын: «Юный продкомиссар... опубликовал труд, который мог быть подготовлен только долгим общением со многими слоями дореволюционного донского общества... Автор с живостью и знанием описал мировую войну, на которой не бывал по своему десятилетнему возрасту, и гражданскую войну, оконченную, когда ему исполнилось 14 лет»⁵⁰.

Р.Медведев: «Непонятным остается и то, каким образом удалось Шолохову столь глубоко и широко изобразить жизнь именно белого лагеря: Донской и Добровольческой армий и повстанческих сил; как удалось ему столь точно нарисовать портреты главных руководителей этого лагеря, которых он никогда не встречал в своей жизни? ...Для начинающего писателя-комсомольца, никогда не принимавшего участия в белом движении, создание столь обширного полотна о борьбе казаков-повстанцев и белых армий с Красной Армией был, казалось бы, делом совершенно непосильным»⁵¹.

CONTRA:

⁵⁰ А. Солженицын. Невырванная тайна (предсловие к «Стремени...») // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 7.

⁵¹ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 172

Правомерно ли по отношению к автору художественного произведения требовать непременно личного участия, личного опыта в том, что становится объектом его творческого воображения? Лев Толстой не был участником Отечественной войны 1812 года, сам Солженицын не участвовал в 1-й мировой войне, которую дерзнул показать в «Августе 14-го», и т.д. Примеров можно было бы привести множество. Гете писал о себе: *«Я написал «Геца фон Берлихингена» в возрасте 22 лет, а десятью годами позже удивлялся, сколько правды в моей драме, хотя ничего из того, что я там изобразил, мне в пору создания вещи не пришлось еще пережить».*

Из рассказов самого Шолохова, людей, его знавших, многое известно о прототипах романа (о том же Харлампии Ермакове, реабилитированном лишь в 1989 году), о его встречах с Шолоховым (кстати, у Харлампия бабка была турчанка, как и у Григория), о семье казаков Дроздовых, с которых во многом списаны образы и судьбы Григория, Петра и Дарьи Мелеховых. Вот кое-какие известные из литературы данные об источниках романа. *«Все бралось из жизни,- рассказывал Шолохов К.Прииме, - Мои родители снимали у Дроздовых половину куреня. Мы с ними жили под одной крышей, и я для портрета Григория кое-что взял от Алексея Дроздова, для Петра – внешний облик и его смерть – от Павла Дроздова, а для Дарьи многое позаимствовал от Марии, жены Павла, в том числе и факт ее расправы со своим кумом Иваном Алексеевичем Сердиновым, которого в романе я назвал Котляровым... Братья Дроздовы были простые труженики, ставшие на фронте офицерами... А тут революция, гражданская война, и Павла убивают. В глубоком яру их зажали и потребовали: «Сдавайтесь с миром! А иначе – перебьем!».* Они сдались, и Павла, как офицера, вопреки обещанию, тут же и убили. Вот это мне крепко запомнилось. А потом его тело привезли домой. В морозный день. Я катался на коньках, прибегаю в дом – тишина. Открыл на кухню дверь и вижу: лежит Павел на соломе возле пылающей печи. Плечами подперев стену, согнув в колене ногу. А брат его, Алексей, поникший, сидит напротив... До сих пор помню это... Вот я в «Тихом Доне» и изобразил Григория перед убитым Петром... Так же были взяты из жизни эпизод убийства Дарьей кума своего Котлярова и получение ею пятисот рублей наградных из рук генерала за эту расправу. Отец меня не пустил на площадь, посмотреть на генерала: *«Нечего глазеть на палачей!»* В разработке сюжета стало ясно, что в подоснову образа Григория характер Алексея Дроздова не годится. И тут я увидел, что Ермаков более подходит к моему замыслу, каким должен быть Григорий. Его предки- бабка-турчанка, четыре Георгиевских креста за храбрость, служба в Красной гвардии, участие в восстании, затем сдача красным в плен и поход на польский фронт – все это меня очень увлекло в судьбе Ермакова. Труден у него был выбор пути в жизни, очень труден. Ермаков открыл мне многое о боях с немцами, чего из литерату-

ры я не знал... Так вот, переживания Григория после убийства им первого австрийца – это шло от рассказов Ермакова. И баклановский удар – тоже от него...»⁵². Дальше Шолохов рассказал, как однажды Ермаков показывал ему, что такое «баклановский удар»: одним ударом шашки наискось перерубал двадцатисантиметровой толщины березовые бревнышки. Один только этот рассказ открывает подоснову нескольких сильнейших в художественном отношении сцен и эпизодов «Тихого Дона». В рассказе Шолохова речь идет о людях, эпизодах и фактах, вполне проверяемых и не раз проверенных. Так что вопрос о «своем» и «не своем» опыте, о возможностях великого художественного таланта на уровне предположений, сплетен и слухов решать никак нельзя.

Аргументы «биографического» характера фигурируют в обвинениях против Шолохова очень часто. Но они не единственные. Есть и другие.

6. PRO ET CONTRA: АРГУМЕНТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ.

□ ИЗ КАКОГО СТАНА АВТОР «ТИХОГО ДОНА»?

PRO:

Суть аргумента: подлинный автор «Тихого Дона» – из стана белых, Шолохов же – красный, всегда был красным, и только красным.

Зеев Бар-Селла: *«Был он (автор «ТД»)- С.С.) не Шолохов, а белогвардеец»⁵³.*

И.Медведева-Томашевская: *«Белые по соавтору (т.е. Шолохову – С.С.) черным-черны, а красные светлым-светлы»⁵⁴.*

Рой Медведев: Мог ли автор-«красный» так описывать события гражданской войны на Дону:

«Казачи... гнали их (т.е. красных – С.С.) и теснили к границам области, с боями освобождая каждую пядь земли. Дон на две трети был освобожден от большевиков».

Или: «Смыкалась и захлестывала горло области большевистская петля». Это – точка зрения «белого» в описании «красных».

Или в описании «белых»: «Ростов и Новочеркасск, являвшиеся тылом Добровольческой армии, кишели офицерами. Тысячи их спекулировали, служили в бесчисленных тыловых учреждениях, ютились у родных и знакомых, с поддельными документами о ранениях лежали в лазаретах... Все наиболее мужественные погибли в боях, от тифа, от ран, а остальные, растерявшие за годы революции и честь и совесть, по-шакальи прятались в тылах, грязной накипью, навозом плавали на поверхности бурных дней». «Опять-таки, - комментирует это описание Р.Медведев, - кажется странным для

⁵² Цит. по: Жуков И. Рука судьбы. М., 1994, с. 58-59

⁵³ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с.174

⁵⁴ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 61

автора-комсомольца этот взгляд на офицеров, уклоняющихся от борьбы с большевиками, как на «грязную накипь», а на офицеров, ведущих смертельную борьбу с большевиками, как на самую мужественную, сохранившую честь и совесть, часть офицерства»⁵⁵.

CONTRA:

Шолохов всегда говорил, что в «Тихом Доне» он описывает не борьбу красных с белыми, а борьбу белых с красными. Поэтому взгляд «из стана белых» в тексте может казаться преобладающим над взглядом «из стана красных». Но это не значит, что автор обязательно в одном из этих «станов». Авторская позиция – выше «точки зрения» «лагерей», она объективна по отношению к обоим «станам».

В авторской речи идеология коммунистов может быть названа «*большой человеческой правдой*», а может быть названа и «*пагубным ядом*» - это смотря для какого героя...

Те, кто сомневается в авторстве Шолохова, выписывают из текста романа множество фраз, которые никак не мог написать автор-коммунист. Но их оппоненты выписывают не меньше фраз, которые никак не мог бы написать автор из стана «белых».

Для тех, кто обвиняет Шолохова в плагиате, это служит доказательством того, что текст романа расслаивается на «авторский» (принадлежащий истинному автору) и «соавторский» (т.е. принадлежащий Шолохову). Но это с не меньшим основанием может служить доказательством того, что роман написан одним человеком, только авторская позиция не может быть сведена к позиции одного из борющихся лагерей, она выше и объективнее.

□ Разновидность предыдущего аргумента: по идеологии автор романа – казак, его позиция всегда направлена против «иностранцев». Шолохов же по идеологии – «иностранец», его позиция не проказа, а пророссийская. Этот аргумент чаще других используют А.Солженицын и автор книги «Стремя «Тихого Дона» «Д» (И.Медведева-Томашевская).

А.Солженицын: «Тихий Дон написан в чужом ключе по отношению к собственному автору. Автор (не будем говорить Шолохов) посвящает всю книгу защите донского казачества против иностранцев и его сепаратизму от России. Шолохов же – как раз иностранец и всей своей деятельностью проводит линию, противоположную автору этого романа»⁵⁶.

И.Медведева-Томашевская: «Автор... постоянно судит о событиях, исходя из интересов казака-земледельца, казака-воина, ограждающего землю свою и независимость от всего иностранного (будь то

⁵⁵ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 176-177. Медведев указывает также, что, описывая езду на конях, автор всегда подчеркивает неумение «красных» скакать верхом – они «трясутся» в седлах (например, Штокман), казаки же всегда сидят в седлах «как врытые».

⁵⁶ Русская мысль, 1975, 16 января.

соседние мужики, или хохлы, будь то сама Москва с ее всеохватом или корыстные иноземцы). Эта народная казачья оглядка на все иногороднее, как видно, в природе самого автора и является его главным идейным принципом в романе»⁵⁷.

CONTRA:

Относительно «иногородности» Шолохова аргументы его защитников изложены выше, в предыдущем разделе, - о биографических моментах. В.Васильев в своей работе приводит в качестве такого аргумента реакцию на «Тихий Дон» эмигрантской казачьей печати, причем ее самого радикального сепаратистского крыла: *«В белоэмигрантских казачьих изданиях, исполненных подозрительности, а чаще ненависти к новой, советской России и ее большевистским писателям, не брошено даже тени на «Тихий Дон» и его автора. Причем высоко оцениваются не только роман, но и «Донские рассказы», третируемые сегодня как школярские, «комсомольские» и т.п. Кем оцениваются? Если иметь в виду предельную крайность – журнал «Вольное казачество» (Прага – Париж, 1927-1939) под редакцией Игнатия Билого, махрового русофоба и ярого казакомана. В этом издании как раз и присутствует весь тот нехитрый набор идей и эмоций, какими истинный казак, по Солженицыну (и Медведевой-Томашевской – С.С.) и должен отличаться от российского человека: большевики и комсомольцы – исчадие ада, Россия – империя зла, русский мужик – раб с холуйской душой, казак, продавшийся Советам, – последняя сволочь.*

Сожалея, однако, о том, что «даже такой интересный писатель, как Шолохов, пишущий только о казаках, точно неизвестен, кто он – казак или нет», журнал и не думал выяснение этого вопроса связывать с талантом автора романа: Лев Толстой тоже не был казаком, но отсюда ведь не следует, что он, «иногородний», не мог понять казака... «Вольные казаки», очень чуткие ко всякому проявлению подлинного «казацкого духа» и болезненно нетерпимые к посягательству на свои суверенные в этом смысле права, не уловили даже грубых пропагандистских вставок в шолоховском «Тихом Доне», делающих роман противоречивым и бессмысленным, а его автора – раздваивающимся и уничтожающим самого себя. Не странно ли?»⁵⁸.

□ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ШОЛОХОВА. ШОЛОХОВ – ХУДОЖНИК И ПУБЛИЦИСТ.

PRO:

Шолохов никогда не был «белым». В гражданской войне участвовал на стороне красных, был в продотряде. Сначала – правоверный комсомолец, потом- правоверный коммунист. «Донские рассказы», по

⁵⁷ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 48. (Подчеркнуты явно «солженицынские» словечки – С.С.) К категории «иногородних» И. Медведева-Томашевская относит и купца Мохова, и учителя Баланду, и генерала Фицхалаурова, и Листницких – отца с сыном, и «социал-демократов большевистского толка Штокмана с Бунчуком» (там же, с. 59).

⁵⁸ Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, « 11212, с. 234-235

утверждению Роя Медведева, написаны явно «комсомольцем»: красные там – положительные персонажи, белые и белоказаки – отрицательные.

Шолохов – это общий тезис всех его противников – был человеком коммунистических убеждений; об этом свидетельствует вся его жизнь, все его выступления на съездах партии, на писательских съездах, его «сталинизм», его публицистика, а его коммунистическое кредо лучше всего выражено его знаменитым высказыванием о партийности литературы: *«Мы пишем по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу»*.

CONTRA:

Шолохов не был комсомольцем. Именно по этой причине в начале 20-х годов он не смог поступить в вуз: у него не было комсомольской характеристики⁵⁹.

В 20-30 годы его постоянно «били» за отсутствие коммунистической идейности.

Нарком госбезопасности Генрих Ягода многократно называл его «контриком» и говорил: *«Твой «Тихий Дон» ближе белым, чем нам»*.

С.Динамов, редактор журнала «Интернациональная литература» и известный в 30-е годы литературовед, высказывал в те времена претензии к Шолохову, типичные для тогдашней критики: *«...У Шолохова нет ни одного белого, качественно отличного от героев «Дней Турбинных». Говорит Шолохов, что Корнилов плетет сети черного заговора, но не показано все это с необходимой, разящей ненавистью, не хватает у Шолохова накалки классового противопоставления; в его образах врагов революции не вскипает отрицание их. Со всем сознанием ответственности этих слов приходится их высказывать, со всем опасением за дальнейший путь Шолохова приходится это утверждать. Белые для Шолохова враги, но герои. Красные – друзья, но отнюдь не могут идти в сравнение с белыми. Оказывается, по Шолохову, что не белые зверствовали, а красные; не удосужился Шолохов показать с этой стороны белых, а вот красных показал. Хватило у Шолохова терпения выписывать фигуры Корнилова и Алексеева – но ни одной равной им по своей роли фигур красных нет в романе: белые – столбы, а красные – просто столбики... Странное равнодушие сквозит в его описании борьбы с контрреволюцией»*⁶⁰.

По поводу утверждений Роя Медведева о «Донских рассказах» - что в них гражданская война показана с «комсомольских» позиций: белые и казаки – враги, а красные – целиком положительные герои, Герман Ермолаев писал: *«Эти утверждения преувеличены и грешат чрезмерным упрощением фактов. Из 16 рассказов, описывающих по-*

⁵⁹ По этому поводу Рой Медведев высказывает, по своему обыкновению, «предположения», что, «может быть, Шолохов по небрежности просто не озаботился получением нужной ему рекомендации» и что, «вероятно, при своих частых переездах он не вполне точно придерживался правил комсомольского учета» («Вопросы литературы», 1989, № 8, с. 205, 207).

⁶⁰ Сб. «Михаил Шолохов». М., 1931, с. 25-26

литические убийства, в 8 жертвами предстают казаки, а в 4-х красные показаны как убийцы своих противников»⁶¹.

О «сталинизме» Шолохова. Есть суждение о Сталине, которое Шолохов произнес во времена борьбы с «культом личности»: «Был культ, но была и личность». В художественных произведениях Шолохова – ни малейшего следа «культа Сталина». В его военном романе – «Они сражались за Родину» (в главах, написанных в годы войны, когда Шолохов якобы только и делал, что кричал «За Сталина»!) имя Сталина не упоминается ни разу.

А теперь о высказывании Шолохова насчет партийности, о том, что «наши сердца принадлежат партии и родному народу». На этом основании делаются утверждения о том, что Шолохов и в своих художественных произведениях, а не только в публицистике, – коммунист до мозга костей. Что на это сказать?

Ну, например, что можно было бы сказать о художнике, которому принадлежат такие слова: *«Мне будет очень больно, если я в чем-либо поступлю не так, как требует от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев»?* Что автор этих слов – коммунист? Может быть даже, что он подхалим и лизоблюд? Но этот автор – не кто иной как Александр Исаевич Солженицын!

Шолохов, кстати сказать, лично никому никогда не кланялся.

Но самое главное не в этом.

Именно марксистской эстетике – больше, чем какой бы то ни было другой, – искусствознание и литературоведение обязаны постановкой проблемы мировоззрения и творчества. Энгельсу. Ленину с его знаменитыми статьями о Толстом. Энгельсом был сформулирован так называемый «бальзаковский парадокс», согласно которому настоящий художник в своем творчестве может, оставаясь верным жизни, действительности, противоречить самому себе как идеологу, как публицисту, - и монархист по убеждениям Бальзак в своих романах может выступать как противник монархистов. Эта проблема ставилась и решалась нашим литературоведением применительно к литературе XIX века: по отношению к тому же Бальзаку, к Толстому, к Чехову и другим. Она не ставилась, как правило, в исследованиях так называемой «советской литературы», - но именно по отношению к ней постановка такой проблемы более чем правомерна и более чем актуальна. Я поставил эту проблему применительно к Максиму Горькому и попытался дать ее решение на материале его публицистики и романа «Жизнь Клима Самгина»⁶². Вполне правомерна постановка этой проблемы и при анализе творчества Шолохова.

Только надо уйти от примитивизма и непрофессионализма в постановке и решении проблемы позиции или «точки зрения» автора и

⁶¹ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 179

⁶² См.: Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Нижний Новгород, 1992

форм ее выражения в художественном произведении. А именно этим грешат обвинители Шолохова.

7. PRO ET CONTRA: АРГУМЕНТЫ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ.

Этого рода аргументы сводятся либо к противопоставлению «Тихого Дона» другим произведениям Шолохова с точки зрения уровня художественности, либо к расчленению текста «Тихого Дона» на элементы высокой художественности, приписываемые подлинному «автору», и на элементы малохудожественные или вообще нехудожественные, приписываемые «соавтору», т.е. Шолохову.

□ ШОЛОХОВСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ДО «ТИХОГО ДОНА».

PRO:

«Донские рассказы», написанные и опубликованные до «Тихого Дона», несравнимо ниже этого романа по своему художественному уровню.

Рой Медведев: «Как объяснить тот огромный и ничем не заполненный разрыв, который существует между автором «Донских рассказов» и автором «Тихого Дона»?»⁶³

Авторская позиция в «Донских рассказах» – антиказачья и вообще не отличается объективностью, поскольку их автор – правоверный комсомолец: *«В «Донских рассказах» нет никакого любования казачеством или казачьим бытом. Казаки – это враги, злобные и жестокие»*⁶⁴.

CONTRA:

«Донские рассказы» - первые опыты пера начинающего автора, но их никак нельзя считать примитивными и художественно слабыми. Это был очень яркий и многообещающий взлет начинающего художника. Прочитав их, Серафимович уже тогда предсказал автору – Шолохову – очень яркое и большое будущее.

Вот мнение американских оппонентов Солженицына, Медведева и других хулителей «Донских рассказов» и Шолохова как художника.

*Эрнст Симмонс: «В советской литературе о гражданской войне «Донские рассказы» занимают место примерно где-то между «Чапаевым» Фурманова и сборником рассказов Бабеля «Конармия». Но в них не найти ни сентенциозных разглагольствований первого, ни до невероятности жестокой, но в то же время многозначительной беспристрастности второго... Мрачный их фон почти всегда смягчен теплым человеческим сочувствием»*⁶⁵. Надо сказать, что американский исследователь отводит «Донским рассказам» место весьма и весьма по-

⁶³ Вопросы литературы, 1986, № 8, с. 166

⁶⁴ Там же, с.159

⁶⁵ Ernest J. Simmons/ Introduction to Russian Realism. From Puskin to Scholokhov. New York, 1965. См. также: Симмонс Э. Он избрал свой путь // Вопросы литературы, 1990, № 5, с. 41.

четное: между «Чапаевым» и «Конармией», причем без присущей произведениям Фурманова и Бабеля односторонности.

Герман Ермолаев: *«Рассказы Шолохова представляются Медведеву весьма субъективными. Ни один из них, утверждает он, не отличается беспристрастностью и объективностью «Тихого Дона» (с.109). Это слишком сильное заявление. Медведев забывает о таких рассказах, как «Семейный человек», «Чужая кровь», «Обида» и «Ветер», где объективное изображение эмоциональных и сюжетных коллизий доминирует над политическим базисом»⁶⁶.*

□ ШОЛОХОВСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПОСЛЕ «ТИХОГО ДОНА».

PRO:

Аргумент противников Шолохова сводится к тому, что после «Тихого Дона» им не написано ничего сопоставимого с этим произведением по художественному уровню: и «Поднятая целина», и «Они сражались за Родину», и «Судьба человека» в этом отношении уступают «Тихому Дону». А в 60-70-е годы не написано вообще ничего.

А. Солженицын: *«Книга («Тихий Дон» –С.С.) удалась такой художественной силы, которая достижима лишь после многих проб опытного мастера. Но последующей 45-летней жизнью никогда не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп»⁶⁷.*

Р.Медведев: *«После завершения в 1937-38 годах «Тихого Дона» литературное творчество М.Шолохова на протяжении почти 40 лет отличалось крайней бедностью в количественном отношении, посредственным уровнем»⁶⁸. Далее он высказывает предположение, что «творческое оскудение» Шолохова связано с событиями 1938 года: «Резкий перелом в его характере произошел как раз после попытки его ареста, драматического бегства в Москву и состоявшегося вскоре длительного разговора со Сталиным. М.Горький к тому времени уже умер, а Сталину очень нужен был достаточно послушный русский литературный классик. Но именно с 1939 года Шолохов психологически и нравственно сломался, он прервал большинство прежних литературных связей, у него все чаще начинались полосы длительных и горьких запоев», - и далее Р.Медведев по своему обыкновению выдвигает «предположения»: «Не играл ли во всем этом большую роль постоянный страх разоблачения или сознание своей виновности? Не сочетался ли этот комплекс вины с комплексом неполноценности; он был уверен в конце 20-х годов, что создаст еще немало вещей на уровне «Тихого Дона» и тем прекратит столь ранящие его слухи и сплетни. Но вот идут годы, и ничего не получилось, не получается, и, видимо, уже больше никогда не получится»⁶⁹.*

⁶⁶ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 180

⁶⁷ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. 1996, с. 7

⁶⁸ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 208

⁶⁹ Медведев Р. Загадок становится все больше // Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 209

В последнее время обвинители Шолохова утверждают даже, что лучшие места в «Донских рассказах», в «Поднятой целине» (например, пейзажи – об этом пишет Солженицын в статье «По донскому разбору») принадлежат также не Шолохову, а «списаны» им из того же источника, что и «Тихий Дон». Так, А. С. Макаровы в своей работе «К истокам «Тихого Дона» пишут: *«В «Донских рассказах» и «Поднятой целине» можно иногда обнаружить фрагменты, близкие к «Тихому Дону» по стилю и языку. У нас нет никаких оснований исключать возможность того, что все эти фрагменты могут быть как-то связаны с тем же исходным текстом неизвестного автора, который, как предполагается, лежит в основе «Тихого Дона»⁷⁰.*

CONTRA:

Очень многие писатели остались в истории литературы и в памяти читателей как авторы одной книги: Сервантес, Дефо, Джойс, Пруст и многие другие. Есть свидетельства, что муж американской писательницы Маргарет Митчелл сжег все ее произведения, созданные после романа «Унесенные ветром» (все они были намного слабее его). Сжег для того, чтобы Маргарет Митчелл осталась в истории как автор этого единственного романа. Лев Толстой после «Анны Карениной» – за 33 года – создал ли произведения на таком же уровне, как «Война и мир» или «Анна Каренина»?

В том, что в творчестве самого Шолохова «Тихий Дон» был и остался самым сильным и глубоким произведением, сомнений нет. Но это не означает, что остальные его вещи литературно заурядны и заслуживают презрительных оценок, на которые не скупятся обвинители Шолохова. И «Поднятая целина», и «Судьба человека» – это настоящая литературная классика.

«Поднятая целина» в 30-е годы многими оценивалась даже выше, чем «Тихий Дон». Я имею в виду не конъюнктурщиков, а таких критиков, как князь Дмитрий Святополк-Мирский, чей эстетический вкус высоко ценили такие писатели, как Томас Манн, Бернард Шоу, Ромен Роллан. В очерке «Михаил Шолохов» Д.Святополк-Мирский (позднее погибший в ГУЛАГе) писал: *«Поднятая целина» во всех отношениях огромный шаг вперед по сравнению с «Тихим Доном».* Еще в 1935 году, за 30 лет до присуждения Шолохову Нобелевской премии, шведская газета «Ню даг» сразу же после перевода «Поднятой целины» на шведский язык писала: *«Михаил Шолохов, как никто другой, достоин Нобелевской премии»⁷¹.*

Опубликованный в последний день 1956 года рассказ «Судьба человека» ожидала поистине всемирная слава, он имел колоссальный успех. Восторженные телеграммы прислали в Вешенскую Ремарк и Хемингуэй.

⁷⁰ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. 1996, с. 208

⁷¹ Цит. по кн.: Жуков И. Рука судьбы. М., 1994, с. 35

Что касается романа «Они сражались за Родину», то нам по существу известна лишь его незначительная часть – те главы, которые были написаны и опубликованы еще во время войны и еще несколько фрагментов, публиковавшихся в 60-е годы. Но мы не знаем и никогда не узнаем этого романа в целом или по крайней мере в том очень значительном объеме, до которого он был доведен автором к концу 60-х годов. При этом надо сказать, что, в отличие от всех других писателей, Шолохов подвергался двойной цензуре: обычной и высшей партийной: еще при Сталине было принято решение о том, что ни одна строчка Шолохова не может быть опубликована без специального решения Политбюро ЦК. И это решение четко выполнялось. Далее я процитирую свидетельство Альберта Беляева – в 60-70-е годы видного функционера из аппарата ЦК КПСС. Это свидетельство особенно ценно потому, что его автор – в прошлом работник ЦК, в годы «перестройки» и в настоящее время – один из самых яростных «демократов», т.е. принадлежит к тому политическому лагерю, к которому относятся все хулители Шолохова. Итак:

«Шолохов всегда оставался художником гордым и свободным. Он предпочитал замолкнуть на годы, но не поступался правом свободы творчества. Именно этим, как мне кажется, только и можно объяснить почти десятилетний перерыв между 3 и 4 книгами «Тихого Дона».

Но бывала у него и другая реакция на попытки «подправить», «обстругать» его творчество. Реакция, имевшая, на мой взгляд, непоправимые последствия для нашей литературы.

В 1969 году М.Шолохов предложил «Правде» очередную законченную главу романа «Они сражались за Родину». В главе шла речь и о репрессиях командного состава Красной Армии в 1937 году. Мне повезло прочесть эту главу в первоизданном виде. В ней с потрясающей художественной проникновенностью рассказывалось о судьбе героя гражданской войны и войны в Испании генерала Александра Стрельцова, о его аресте в 1937 году по обвинению, конечно же, в шпионаже, о мытарствах его тюремной жизни. Горький спазм перехватывал горло, когда читал эпизод о первомайской демонстрации в городе Ростове, где сидели в тюрьме генерал Стрельцов и другие несправедливо арестованные люди. Мимо стен тюрьмы шли праздничные колонны людей, распевавшие веселые песни. И тогда арестанты вскочили на подоконники тюремных камер и мощно запели «Интернационал»... В праздничных колоннах на воле пение стало затихать, люди, слыша «Интернационал» из-за стен тюрьмы, растерянно затоптались на месте... И тогда охрана тюрьмы повернула на вышках пулеметы и хлестнула очередями по тюремным окнам...

Судьбу главы решал Суслов. Дело дошло и до Брежнева. Он долго тянул и всячески уходил от встречи с писателем. Но встреча все-таки состоялась. О чем и как шел разговор – можно только гадать.

Рассказывают, что сам Шолохов в ответ на вопросы в сердцах махнул рукой и сердито передразнил: «Не сыпь соль на раны».

Многие литераторы были встревожены закулисной возней... Кто-то радовался: «Ага, и Шолохов попал в немилость», - а кто-то горько переживал: «Уж если и Шолохова не пропускают, тогда чего же ждать?»

Эта «акция» нанесла тяжелейшую нравственную травму раненой душе художника и подвигла его на крайний жест отчаяния.

Писатель засел в своем кабинете на втором этаже вешенского дома и стал методически, лист за листом, сжигать в камине написанные им главы «Они сражались за Родину»...

Жег рукопись несколько дней.

«Младший сын Шолохова Михаил Михайлович с болью душевной рассказывал об этих страшных днях. С тех пор близкие писателя зовут камин в его кабинете «крематорием». На просьбы родных не жечь рукопись Шолохов реагировал жестко и непреклонно...»⁷².

Так что роман «Они сражались за Родину» мы уже никогда не прочтем.

О том, что Шолохов «больше ничего не написал». Не знаю... Не уверен... Потому что мне самому пришлось в 1977 году слышать свидетельство о том, что существуют и неопубликованные произведения Шолохова. Профессор А.И.Овчаренко выступал перед слушателями Факультета повышения квалификации преподавателей университетов в МГУ (в числе которых был и я) и рассказывал о своих встречах и беседах с Шолоховым в Вешенской (он неоднократно бывал у Шолохова и много раз разговаривал с ним). Так вот, однажды в доме писателя ему удалось прочесть по рукописи потрясший его – совершенно «страшный», по его словам, рассказ. Овчаренко не говорил ни о конкретном содержании, ни о форме рассказа, а только о своем впечатлении: оно было настолько сильным, что у Александра Ивановича даже слезы выступили на глазах, когда он об этом рассказывал. И на его вопрос автору: «Почему же вы его не публикуете?» – Шолохов после долгого молчания ответил: «А ты уверен, что этот рассказ не принесет вреда людям? Я не знаю, надо ли его печатать...»

И, наконец, насчет предположений Р.Медведева о том, что Шолохов «сломался» после событий 1938 года.

Жена Шолохова, Мария Петровна, рассказывает о состоянии Шолохова так: «**Война надломил его.** В первые годы после войны он жил, как после контузии, бывало такое, что как будто он ничего не видит, не слышит. Живет в другом мире. Потом оттаял. Особенно, когда писал «Судьбу человека» и заканчивал вторую книгу «Поднятой цели»

⁷² Беляев Альберт. Писатель века // Советская культура, 1990, 29 мая.

ны». *Хорошее было время, веселое, доброе. Ну, а дальше – болезни, болезни..»*⁷³.

Да, болезни. И не только та, о которой пишут недоброжелатели Шолохова и о которой он говорил Сталину: «От такой жизни запьешь...» Гораздо хуже: диабет, инфаркт, два инсульта, наконец, рак горла...

Тут действительно уместно сказать слова, которыми заканчивается его «Тихий Дон»: «Вот и все...»

□ ИСТОРИЧЕСКИЕ НЕТОЧНОСТИ.

PRO:

Следующий аргумент в пользу версии о шолоховском «плагиате» – многочисленные неточности в передаче исторических фактов в тексте «Тихого Дона». Предполагается, что подлинный «автор» неточностей и искажений допустить не мог, а вот «соавтор» Шолохов с его «звериным невежеством» (З.Бар-Селла) эти искажения и в использованный им первоисточник внес, и в добавленном им собственном тексте допустил.

Очень много об этом пишут и И.Медведева-Томашевская, и Рой Медведев, и З.Бар-Селла, и особенно супруги Макаровы. О методологии такого анализа особый разговор впереди, а сейчас – только о самом обвинении и наличии «искажений» -т.е. смещений в хронологии, в изображении мест, событий и т.п. вещах.

CONTRA:

Обвинители Шолохова подходят к «Тихому Дону» как к историческому трактату (А. И С.Макаровы: «*Тихий Дон* – труд не только литературный, а в равной степени исторический, историко-политический»)⁷⁴ и требуют абсолютно немислимой, невозможной (и ненужной, а то и вредной!) для художественного произведения абсолютной точности в передаче конкретных фактов событий истории, вошедших в хронотоп романа.

К примеру, встречающееся в «Тихом Доне» наименование Назарова и Богаевского «наказными атаманами» считается вопиющей ошибкой, так как они были первыми в истории Дона после двухсотлетнего перерыва избранными атаманами. Для Роя Медведева это доказательство плагиата и вмешательства в текст первоисточника плохо знающего исторический материал молодого Шолохова, а для Г.Ермолаева, наоборот, это доказательство того, что «Тихий Дон» не мог быть написан старым казаком, например, Крюковым, который не допустил бы такой ошибки. А другие исследователи считают, что никакой ошибки тут вообще нет. «Увы, как убедительно доказывает в «Вопросах литературы» В.Соколов, прав был все же Шолохов. Скажем, в случае с генералом Назаровым, из-за неприбытия некоторых депутатов, казачий Круг

⁷³ См.: Жуков И. Рука судьбы. М., 1994, с. 27

⁷⁴ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 218

был не вполне правомочен и именовался Малым. После пятикратного отказа Назарова стать атаманом Круг не избрал его, а приказал стать атаманом. То же – в случае с Богаевским..».⁷⁵ Так что вокруг таких вещей копыя можно ломать сколько угодно, и это дело не литературоведов, а историков.

Одним из первых критиков Шолохова в этом отношении был, между прочим, не Солженицын и его единомышленики, а Сталин. Еще в 1929 году (29 июля) в письме Феликсу Кону Сталин упомянул только что опубликованный шолоховский роман, и не просто так, а в связи с допущенными в нем фактическими и историческими «ошибками»: *«Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» – никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?»* Никто, кроме Феликса Кона, не знал этой сталинской оценки до 1949 года (т.е. в течение 20 лет), а узнали только из вышедшего в 1949 году очередного 12-го тома Собрания сочинений Сталина. Вот тогда-то и взялись редакторы за «Тихий Дон» и, не считаясь с автором, внесли в очередные издания романа более 500 изменений⁷⁶.

Между прочим, претензии к исторической и фактической достоверности художественных произведений, в которых речь идет о реальных исторических событиях, - дело самое обычное. Достаточно вспомнить, что исследователи насчитали в «Войне и мире» Толстого более 600 такого рода ошибок и несоответствий. Ну и что? Все равно люди представляют себе войну 1812 года не по историческим трактатам, а по толстовскому роману.

Между тем для доказательства наличия плагиата с чужой рукописи все обвинители Шолохова особенно большое значение придают нарушениям хронологии, неточностям в описании места и действия, ошибкам при изображении исторических фигур и исторических фактов и событий, а также и при изображении вымышленных героев, если они участвуют в реально происходивших в истории событиях, допустим, в войне. Ну, например, такого рода: братья Мелеховы, а также Григорий Мелехов и Степан Астахов не могли встретиться на германском фронте, потому что казачьи полки, в которых они служили (3-й и 12-й) находились на разных участках фронта и никогда во время войны не соприкасались.

По поводу такого рода упреков защитники Шолохова вполне резонно отвечают обвинениями своих оппонентов в крохоборстве. Так, В.Васильев пишет в связи с этим: *«Изобретатели методологии отслоения «подлинного» от «мнимого» дошли в ее совершенствовании до крохо-*

⁷⁵ Буйда Ю. «Тихий Дон» течет на Запад? // Известия, 1998, 25 февраля

⁷⁶ См.: Семанов С. Восстановленный «Тихий Дон» // Наш современник, 1998, № 1, с. 242. Они ухватились за сталинские слова «ряд грубейших ошибок». Ну, а хулители Шолохова в сталинской фразе выделили только слова «знаменитый писатель нашего времени», и взялись за него с другой стороны.

борства и мелкотравчатости и каждую опisku, «неточно» употребленное слово или искажение географического названия (например, из того, что в романе местечко Сталлюпенен названо Столыпиним, Зеев Бар-Селла выводит целую систему выводов о невежестве Шолохова и его плагиаторстве- С.С.) поставили Шолохову в упрек: не мог же подлинный автор того-то и того-то не знать, здесь описать, там допустить искаженное слово. Да я вот читаю воспоминания командующего повстанческими войсками на Верхнем Дону Павла Кудина, уроженца ст. Вешенской (кому лучше знать географию мятежа!) и в каждом абзаце нахожу: вместо хутора Дубровского Дубовский, вместо станицы Каргинской Каргиновскую и т.п. И это всего лишь на двух с половиной печатных листах, а если на девяносто? У того же Солженицына крюковский сюжет в первой книге «Марта семнадцатого» занимает каких-нибудь 6 журнальных страниц. И что же? Редакция «Русского богатства» (ул. Баскова, 9) помещается им то в переулок Басков, то на улицу Баскова; казаков он называет дончаками (порода лошадей), а не донцами; в 1917 году Крюков уже не служил, вопреки утверждению Солженицына, библиотекарем в Горном институте, и эта должность не обеспечивала его материально (она давала ему 35 руб. в месяц); Крюков, каким он изображен в романе, далек от Крюкова в действительной жизни. Но мне как-то и в голову не приходит сказать: «Март семнадцатого» написан не Солженицыным, а кем-то другим; и я вполне допускаю, что в некоторых случаях автор оставил описки по недогляду, в других – чего-то не знал, в третьих – пошел на искажение первоисточника сознательно»⁷⁷.

□ ПЕРЕПАДЫ В ТЕКСТЕ.

Один из наиболее часто применяемых аргументов в пользу версии о плагиате и расслоении текста на «авторский» и «соавторский» – указания на неоднородность текста, на то, что в нем встречаются перепады: собственно художественные описания перемежаются сухими, «протокольными» историческими сообщениями или «пропагандистскими» вставками, а также имеют место «неграмотные» или неуклюжие в языковом отношении фразы, - и все такого рода «огрехи» приписываются, разумеется, не «автору», а «соавтору».

➤ О «пропагандистских вставках».

PRO:

А.Солженицын: «...При высоком художественном вкусе места грубейших пропагандистских вставок»⁷⁸.

О «подмене в тексте художественных образов пропагандистскими клише»⁷⁹ пишут И.Медведева-Томашевская, З.Бар-Селла, Р.Медведев, А. и С. Макаровы. «Пропаганда» имеется в виду, разумеется, коммунистическая. Например, когда коммунистическая идеология Гаранжи име-

⁷⁷ Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, № 11-12, с. 229

⁷⁸ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 8

⁷⁹ Там же, с. 385

нуется «*большой человеческой правдой*». Или фраза о том, что красные сражаются «*за советскую власть, за коммунизм, за освобождение от гнета трудящихся, за то, чтобы никогда больше на земле не было войн*».

CONTRA:

Г.Ермолаев: «*Конечно, можно предположить, что эти лозунги могли быть вставлены Шолоховым в использованный им чужой текст. Но такое предположение не более убедительно, чем противоположное, то есть что эти лозунги всегда входили в первоначальный текст, авторство которого принадлежит Шолохову*»⁸⁰.

В.Васильев: «*В «Тихом Доне», кроме большевистской фразеологии, встречаются и яркие образцы белогвардейской клишированной пропаганды. Но на них-то по обыкновению ни один из противников Шолохова не обращает внимания – верный признак предвзятости в разговоре о художественных достоинствах эпопеи*»⁸¹.

➤ Языковые «перепады».

PRO:

Противники Шолохова часто упрекают его в «языковой безграмотности» и в доказательство того, что он «испортил» чужую рукопись своим вмешательством, приводят встречающиеся в тексте «Тихого Дона» «неуклюжие» фразы вроде «*Мочился горячим потом*», «*Лиза валялась в кресле*», «*В задке, полулежа, сидел Лихачев*» и т.п.

CONTRA:

Формально неправильные фразы вовсе не свидетельствуют об антихудожественности текста. Порой они гораздо выразительнее, рельефнее, динамичнее стилистически гладкой литературной речи. Когда Григорий, расстроенный, говорит Наталье: «*Пропади ты, разнелюбая!*» - то шолоховское слово, которого нет ни в одном словаре русского языка, звучит гораздо ярче, сильнее, выразительнее, чем его литературный синоним «нелюбимая».

Языковых неправильностей можно найти сколько угодно, например, у Достоевского. Он может написать, допустим: «*Вошли две дамы, обе девицы..*»; «*В глазах его было что-то лупоглазое..*»

А что вы скажете о языковой грамотности автора такой, к примеру, фразы: «*Она все над ним делала только для себя и говорила ему, что она делает для себя то, что она точно делала для себя, как такую невероятную вещь, что он должен был понимать это обратно*». Каково? Можно ли тут вообще что-либо понять? А, между прочим, автор этой фразы – Лев Толстой. «Смерть Ивана Ильича».

Герман Ермолаев приводит в своем исследовании большой перечень ошибок грамматического, семантического и стилистического характера, встречающихся в тексте «Тихого Дона», - но это как раз и является

⁸⁰ Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 180

⁸¹ Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, № 11, с. 263

доказательством принадлежности текста Шолохову, потому что точно такие же ошибки в большом количестве встречаются в «Донских рассказах» и в «Поднятой целине».⁸²

□ ОТНОШЕНИЕ К РЕДАКТОРСКОЙ ПРАВКЕ ТЕКСТА .

PRO:

Одним из доказательств тезиса о принадлежности «Тихого Дона» не Шолохову считают то, что Шолохов не сопротивлялся многочисленным редакторским правкам текста.

А.Солженицын: *«А еще удивляет, что Шолохов в течение лет давал согласие на многочисленные беспринципные правки «Тихого Дона» – политические, фактические, сюжетные, стилистические. Стереть изумительные краски до серятины – разве может так художник со своим кровным произведением?»⁸³.*

CONTRA:

По этому поводу есть свидетельство исследователя «Тихого Дона» историка Сергея Семанова: *«Возникает закономерный и серьезный вопрос – а что же Шолохов? Почему сам он при жизни не вмешался в бесцеремонную правку? Ответ не может быть односложен. Во-первых, большинство искажений писатель восстановил. Во-вторых, у него так и не нашлось в ту пору опытных и дельных помощников. А потом начались дряхлость и болезни.*

А вот и третье, пожалуй, самое главное. В марте 1981-го мне довелось последний раз беседовать в Вешенской с Михаилом Александровичем. Разговор шел в его кабинете в присутствии тогдашнего помощника М.В.Коньшина и младшего сына Михаила. Тогда мне уже довелось углубиться в изучение текста «Тихого Дона», поэтому осторожно спросил: как, мол, так, в романе есть некоторые... ну, разночтения, что ли.... Ответ пожилого, утомленного жизнью писателя был поразителен, воспроизвожу смысл его с безусловной точностью:

- Я написал, а вы уж делайте, что хотите...

Ответ такой мог дать только человек великого дарования и великой души. Представить себе, чтобы подобное вымолвил Бабель или Хемингуэй, Камю или Сартр, Данин и Гранин, прямо-таки непостижимо. Истинный талант не может быть заносчив».⁸⁴

⁸² Написание «допреж» вместо «допрежь», «френчев», «портмонет», «пуганные», «деревяжки», «мигать» вместо «мелькать» («Дарья, мелькнув подолом»), «питать» вместо «пить», «впитывать» («Как солончак не питает воду, так и сердце Григория не питало жалости»), «ненавистный» вместо «ненавидящий», «одеть» вместо «надеть», «немой» вместо «глухой» (для описания глухих выстрелов, грома, голосов, стука копыт – в «Тихом Доне» Г.Ермолаев насчитал 16 таких случаев, в «Донских рассказах» - 9, в «Поднятой целине» -2, и даже в «Они сражались за Родину»- 1); частое применение одного предлога вместо другого с нарушением норм грамматики: предлог «над» вместо «вдоль, мимо, у, около, по и под» («над плетнями шаркают ноги», «он полз над плетнем») См.: Вопросы литературы, 1989, № 8, с. 192-193.

⁸³ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 9

⁸⁴ Семанов С. Восстановленный «Тихий Дон» // Наш современник, 1998, № 1, с. 244

В связи с этим надо вспомнить о вещах гораздо более принципиальных, чем частные правки в тексте.

Известно, какому нажиму подвергался Шолохов в 30-е годы, когда из него буквально «выжимали» роман с совершенно иной концепцией и иным – «благополучным» финалом, в котором Григорий должен был прийти к большевикам. Этому требовала критика, этого требовали некоторые писатели (например, Алексей Толстой и Николай Островский), этого требовали и политики от власти.

Как писал С.Небольсин: *«О, украв у какого-нибудь «настоящего автора» рукопись вроде «Тихого Дона», сколько художников слова быстро почистили бы ее и прямоком втолкнули бы Григория в коммуны с плакатами и стенгазетой»*⁸⁵

Солженицын, говоря о согласии Шолохова на правки текста, намекает на логику царя Соломона, который, согласно притче, проверял матерей предложением разрубить оспариваемого ребенка пополам: мать – та, которая предпочитает ребенка отдать, но не рубить. Редактирование текста, пускай и грубое – это еще не смертельно. Вот изменить судьбу героя и финал романа – значило действительно «рубить» роман на смерть, и Шолохов в этом вопросе был абсолютно непоколебим. Отдав в печать последнюю часть, он пишет Лежневу: роман я написал, конец сделал свой, никого не послушал; только бы напечатали, а там пусть хоть четвертуют!⁸⁶

Написал. Опубликовал. А вот теперь роман как раз и пытаются четвертовать при помощи гипотезы «автор – соавтор». О том, как это делается, разговор еще впереди.

□ КАКАЯ КНИГА ЛУЧШЕ?

А.Солженицын, И.Медведева-Томашевская, супруги Макаровы и др. считают лучшими книгами «Тихого Дона» 1-ю и особенно 2-ю. Причина: доказать «плагиат» в 3 и 4 книгах гораздо труднее: они писались после первого скандала 1928-29 гг. под пристальным вниманием и контролем со всех сторон, а кроме того, рукописи 1 и 2 книг считались безвозвратно потерянными.

И сам Шолохов, и многие шолоховеды считали самой слабой как раз 2-ю книгу романа: она и создавалась раньше первой – это та самая «Донщина», с которой Шолохов начал роман о казаках, их роли в период Февральской революции.

А объективно с художественной точки зрения самые сильные - 1-я и 4-я книги романа. Причем относительно последней части – очень сильной – достаточно вспомнить описания скитаний Григория и сцену смерти Аксины – ни у кого, в том числе у самых ярых обличителей Шо-

⁸⁵ Небольсин С. Шолохов, Пушкин, Солженицын. // Наш современник, 1992, № 5, с. 190

⁸⁶ См. об этом: Шевченко М. Были и небылицы // Слово, 1990, № 5, с.52

лохова, не существует сомнений в том, что она написана именно Шолоховым и никем иным.

□ РАЗНОГЛАСИЯ О РОЛИ «СОАВТОРА».

Разные обвинители Шолохова по-разному толкуют его роль как «соавтора», работавшего с чужой рукописью. Большинство из них считают истинного «автора» гением, а Шолохова «абсолютно бездарным соавтором»⁸⁷.

А вот Рой Медведев придерживается другой точки зрения: он не только не отказывает Шолохову в таланте, но даже считает, что при работе с чужой рукописью он мог не ухудшить, а улучшить ее художественное качество. *«Полуобразованный, но исключительно талантливый Шолохов мог... стать соавтором гораздо более образованного, но литературно менее талантливого Крюкова»*. И далее: *«Шолохов не просто переписывал попадавшие к нему тексты, но по-своему редактировал их. Он мог работать с попавшими к нему текстами, как поэт-переводчик работает с попавшим ему подстрочником. Там, где в руках Шолохова был подстрочник, эскиз картины, он, как правило, не ухудшал, а улучшал эту картину, его молодой талант накладывался здесь на опыт и знания более зрелого, но менее талантливого автора. Там, где подстрочника не было, выходило серо и скучно»*⁸⁸.

Запомним эти суждения. Столь радикальные разногласия в оценке степени талантливости «соавтора» при единстве принципиальной позиции, заключающейся в утверждении существования «плагиата», свидетельствуют, что «не все благополучно в Датском королевстве» у сторонников версии о плагиате.

□ МЕТОДОЛОГИЯ ДОМЫСЛОВ.

В доказательстве версии о плагиате ее сторонники используют отнюдь не научные способы аргументации. Как самокритично писал относительно одного из используемых в этих целях аргументов Зеев Бар-Селла, *«перед нами еще одна легенда, дошедшая из вторых уст через третьи руки»*⁸⁹.

Оценивая арсенал аргументации сторонников версии о шолоховском плагиате, Владимир Васильев характеризует его следующим образом:

«Ясно покамест одно: факты, подаваемые без ссылок на источники, но манипулирующие читательским сознанием с помощью заклятий «известно, что», «есть сведения, что», «есть свидетельства, что» и выводов вроде «можно предположить поэтому, что» -

⁸⁷ И.Медведева Томашевская. «Стремя «Тихого Дона» // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 88.

⁸⁸ Вопросы литературы, 1989, № 8, с.201, 215

⁸⁹ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 169

суть классический образец подметной провокационной литературы»⁹⁰.

8. Основные кандидаты, выдвигаемые в «авторы» «Тихого Дона», их «шансы».

- Первым названным по имени «кандидатом в авторы» был Сергей Голоушев. Его фамилия возникла в связи с публикацией письма Леонида Андреева в сборнике его памяти в 1930 году. Тогда же нелепость этой версии стала всем очевидной, и от нее отказались, хотя авторы предисловия и текста книги «Стремя «Тихого Дона» (т.е. Солженицын и И.Медведева-Томашевская) публикуют в ней письмо Андреева в том же (т.е. фальсифицированном) виде, что и в сборнике «Реквием» в 1930 г. Добавить к тому, что по этому поводу было уже сказано ранее, нечего.
- Вторым – и самым серьезным «претендентом» на авторство «Тихого Дона» был, безусловно, Федор Крюков. Его имя возникло еще в разговорах и сплетнях вокруг «Тихого Дона» в 1937-38 гг., а затем (в 70-х) с большой энергией и упорством выдвигалось Солженицыным, И.Медведевой-Томашевской и Роем Медведевым.

А.Солженицын был настолько уверен в этой версии, что даже попытался «закрепить» ее художественно, выведя Крюкова под именем Федора Ковынева в «Красном колесе» (3-м «узле» – «Март 17-го») в образе писателя, работающего в 1917 году над первым томом «Тихого Дона» (в частности, над сценой первой встречи Григория и Аксиньи на обрывистом берегу Дона). Побудительный мотив тут ясен: все дискуссии об авторстве «Тихого Дона» рано или поздно забудутся, канут в Лету, а закрепленная искусством версия останется навечно (Солженицын не сомневается в том, что его «Красное колесо» - художественный шедевр не хуже «Тихого Дона» и что ему суждена жизнь в веках).

На тему об авторстве Федора Крюкова существует большая литература. Оппонентами Солженицына (Г.Ермолаевым, В.Васильевым и другими) приведено множество аргументов, отвергающих эту версию.

Основные из них следующие:

- ✓ Крюков умер зимой 1920 года; сюжет «Тихого Дона» по времени выходит за эти рамки; множество документальных источников, использованных в романе, вышли после смерти Крюкова, и он не мог их знать.
- ✓ Непосредственный опыт Крюкова от его пребывания на фронте и в тылу в период мировой войны никак не отразился в «Тихом Доне» (поездки на фронт с медицинским отрядом Государственной думы, затем участие в войне в качестве офицера на турецком фронте и двухмесячное пребывание с госпиталем Госдумы в Галиции).

⁹⁰ Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, № 11, с. 255

- ✓ Основное место действия романа – Вешенский округ – было незнакомо Крюкову, уроженцу и жителю совсем другого округа.
- ✓ По своим взглядам Крюков не был автономистом, как это приписывается ему Солженицыным и Медведевой –Томашевской, он был патриотом России.
- ✓ Нет никаких достоверных данных о том, что Крюков в 1917-20 гг. работал над большим романом. Сведения на этот счет чрезвычайно противоречивы.
- ✓ Наболевее знающий и квалифицированный литературовед - специалист по Ф.Крюкову и его творчеству - В.М.Проскурин, всю жизнь работавший в этой области, к тому же недолюбливавший Шолохова, совершенно исключал вероятность того, что Крюков имеет какое-либо отношение к «Тихому Дону». К тому же он абсолютно категорично утверждал, что «за 1917-1919 годы Крюков не создал ничего значительного»⁹¹.
- ✓ Даже сын Крюкова - Петр Федорович, не расстававшийся с отцом до самой его смерти, притом сам литератор, оставивший воспоминания о покойном отце, как будто ничего не знал и никогда ничего не слышал ни о каком романе, который якобы писал его отец.
- ✓ Земляки, товарищи, самые близкие Ф.Крюкову люди, оказавшиеся потом за рубежом – И.Крюков, П.Скачков, В.Мельников, Д.Воротынский, А. Перелазов и др. – никогда и ничего о таком романе тоже не слышали.
- ✓ И т.д. и т.п. – аргументов такого рода приводилось и приводится в литературе еще много.
- ✓ Но одним из самых главных доказательств стали результаты сравнительного исследования стиля и языка произведений Ф.Крюкова, «Тихого Дона», других произведений Шолохова при помощи ЭВМ, принятого группой скандинавских ученых во главе с Г.Хьетсо в 70-х годах, когда были опубликованы книги Медведевой-Томашевской, Роя Медведева и выступления Солженицына по поводу авторства Крюкова. Результат таков (цитирую): *«Все параметры обнаружили единую тенденцию, а именно: что Крюков совершенно отличен от Шолохова по своему творчеству и что Шолохов пишет поразительно похоже на автора «Тихого Дона»... Применение математической статистики позволяет исключить возможность того, что роман написан Крюковым, тогда как авторство Шолохова исключить невозможно»*⁹².

Несмотря на то, что были попытки оспорить результаты этого исследования⁹³, несмотря на довольно истерическую реакцию на эту

⁹¹ Волга, 1988, № 2, с. 148

⁹² Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? (Проблема авторства «Тихого Дона»). М., 1989, с. 184.

⁹³ Аксенова (Сова) Л., Вертель Е. О скандинавской версии авторства «Тихого Дона» // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с.183-194

работу скандинавских ученых А.Солженицына («*Господи, откуда еще нанеслось на искусство это электронно-счетное злополучие?*»⁹⁴), на версии об авторстве Крюкова даже он теперь не настаивает. А современные обвинители Шолохова в плагиате либо выдвигают других кандидатов (как Зеев Бар-Селла), либо не выдвигают никого, предпочитая говорить о «неизвестном гении» (А. и С. Макаровы, да и тот же Солженицын в последнее время).⁹⁵

- Стараясь во что бы то ни стало укрепить версию о Крюкове, А.Солженицын в статье «По донскому разбору» и в дополнениях к мемуарам «Бодался теленок с дубом» стал склоняться к мнению о том, что соавтором Крюкова был даже не Шолохов, а его тесть Петр Гремиславский, унаследовавший от своего якобы «друга» Крюкова «кованый сундучок» с рукописями. Ссылаясь на некоего П.Старикова, работавшего над книгой о Филиппе Миронове, знаменитом донском казаке из «красных», и предлагавшего Солженицыну работать у него литературным «негром», автор «Теленка» пишет: *«дописывал «Тихий Дон» и писал «Поднятую целину» опять-таки не Шолохов, но тесть его Петр Громославский, в прошлом станичный атаман (а еще перед тем, кажется, дьякон, снявший сан), но еще и литератор; он был у белых, оттого всю жизнь потом затаясь; он был близок к Крюкову, отступал вместе с ним на Кубань, там и похоронил его, завладел рукописью, ее-то, мол, и дал Мишке в приданое вместе со своей перестаркой-дочерью Марией. А после смерти Громославского уже никак не писал и Шолохов»*. В статье «По донскому разбору»: *«Знающие донцы называют рядом Петра Громославского, бывшего станичного атамана, баловавшегося до революции и литературой, побывавшего и в белом Новочеркасске с Крюковым. Разумеется, бывшему атаману печататься при Советах не светило. Однако, в 20 годы он выдал дочь за Шолохова, и был все безопасней по мере утвержденья последнего. Умер в престарелости в 50-х годах. И с тех-то пор – 25-летнее полнейшее молчанье»*⁹⁶.

Уже говорилось: в годы гражданской войны Гремиславский был не с белыми, а с красными, у белых же был в плену и в тюрьме, приговоренный ими к восьми годам каторги; с Федором Крюковым по этой причине

⁹⁴ Солженицын А. По донскому разбору // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. 1996, с. 118

⁹⁵ Что касается его художественной версии в «Красном колесе», то, как показал в своем анализе соответствующих глав «Марта семнадцатого» Владимир Васильев, для того, чтобы поддержать версию о работе Ковынева (Крюкова) над «Тихим Доном» в 1917 году, Солженицыну пришлось пойти на очень большие смещения и искажения образа реального Федора Крюкова: сделать из государственника, патриота России узкого донского националиста, из человека, в 1917 году занятого исключительно политикой, совершенно неспособного в то время писать художественные вещи (по его, Крюкова, собственным признаниям в тогдашней публицистике) - свободного художника, человека, охваченного исключительно творческим экстазом работы над первыми сценами «Тихого Дона» и живущего в мире своего творческого воображения и т.д. (См.: Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, № 12, с. 231-233).

⁹⁶ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. 1996, с. 104, 114.

отступать на Кубань и быть при его смерти, а стало быть, и завладеть заветным «кованным сундучком», не мог. Никаким литератором он не был и никогда не написал и не опубликовал ни строчки, хотя Р.Медведев и утверждал храбро, что был он сотрудником еженедельника «Донская волна» и «печатался также в некоторых других газетах и журналах». Не печатался. Ни в «Донской волне» и ни в каких других газетах и журналах.

- Зеев Бар-Селла, не верящий в авторство Крюкова⁹⁷, предположительно назвал в качестве возможного автора писателя И.Родионова, автора нашумевшей книги «Наше преступление», вышедшей еще до революции. Репутация у него была самая плохая: черносотенец, «страстный антисемит», но зато донской казак и казачий есаул, удостоенный атаманом Красновым чести издавать газету Всевеликого войска Донского «Донской Край». Да вот на беду уже после революции Родионов, бывший в годы гражданской войны на Дону в самой гуще событий, написал по их следам и издал в Берлине в 1922 г. книгу обо всем, что видел, – повесть «Жертвы вечерние». *«Жертвы вечерние» – повествование о жертвах гражданской войны на Юге и о причинах войны, - пишет Зеев Бар-Селла. - На всем протяжении книги главный герой, юный казачий офицер, в долгих беседах с возлюбленной обнажает тайные пружины творящихся безобразий – жида и масоны...»*. И, оценив идеологию повести, а затем ее художественные особенности, З.Бар-Селла приходит к заключению: *«Это вам не «Тихий Дон... Ох, не «Тихий Дон!»»*.⁹⁸
- Но тот же автор, т.е. Зеев Бар-Селла, обсудив в своей работе «Тихий Дон против Шолохова» шансы на авторство и Шолохова, и Родионова, и отвергнув в качестве претендентов на авторство и того, и другого, все-таки находит «подлинного» автора, правда, обещая сообщить его имя позже. Однако при этом называет «точные» его биографические данные: *«Сообщаем: истинный автор романа «Тихий Дон» нами установлен. Вот некоторые сведения о нем: донской казак по происхождению, учился в Московском императорском университете, автор двух (кроме «Тихого Дона») книг, расстрелян красными в январе 1920 года в городе Ростове-на-Дону. В момент гибели ему еще не исполнилось тридцати лет»*⁹⁹.

«Вычислил» этого подлинного автора З.Бар-Селла на основании анализа дневника студента Тимофея Ивановича, включенного в текст «Тихого Дона», - дневника, который обнаружил Григорий Мелехов у убитого незнакомого казака.

⁹⁷ «Крюков – писатель неплохой, не хуже Чирикова и написал много, и публиковался часто, и откликался на события... А «Тихий Дон» написан гениальным писателем, никак по таланту не ниже Платонова. А раз Чириков не Платонов, то и Крюкову написать «Тихий Дон» было не под силу. Да и не похоже»

⁹⁸ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 173-174

⁹⁹ Зеев Бар-Селла. «Тихий Дон» против Шолохова. // Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с. 122

Примет достаточно много, чтобы по ним установить конкретного человека, которого Бар-Селла мог иметь в виду, если не мистифицировал читателей. Шолоховед Владимир Васильев уже назвал это имя: Роман Петрович Кумов. Родился 25 ноября 1886 года в станице Казанской, Области Войска Донского. Окончил юридический факультет Московского университета. Автор двух книг очерков и рассказов: «Бессмертники» (1909) и «В Татьянину ночь» (1913). Только не расстрелян в Ростове, а умер от тифа на больничной койке в Новочеркасске 20 февраля 1919 года. Он действительно написал роман о революции и закопал его рукопись в районе станицы Усть-Медведицкой при занятии станицы красными зимой 1919 года. *«Слухи об этом романе под названием «Пирамида» – по топониму горы в двух верстах от Усть-Медведицкой, у подножия которой стояли насмерть белоказаки, а среди них и Крюков с Кумовым, в борьбе с «мироновской бандой» в 1918 году, - были весьма распространены среди пишущей казачьей интеллигенции, группировавшейся вокруг ежемесячника «Донская волна» в Ростове-на-Дону и газеты «Донские ведомости» в Новочеркасске»¹⁰⁰*. В.Васильев подарил этот сюжет недоброжелателям Шолохова, только предупредил заранее, что казак Роман Петрович Кумов *«также не страдал донским национализмом и в письме к В.Севскому от 18 июня 1918 года в решительном тоне говорил: «Я верю на самом деле глубоко и в русский народ, и в особый его жребий на земле, несмотря ни на что. Дон без Великороссии я не мыслю и не чувствую»¹⁰¹*. Так что если по Солженицыну и Медведевой-Томашевской автор «Тихого Дона» обязательно должен быть автономистом и ненавистником «иностранцев» и эта идеология составляет основу подлинного «Тихого Дона», то Кумов на эту роль никак не подходит. К тому же, если судить по двум опубликованным его книгам, он по масштабу таланта далеко не Платонов, а стало быть, по Зееву Бар-Селла, да и по Солженицыну тоже, на роль гениального автора «Тихого Дона» опять таки не тянет.

- Норвежский профессор Гейр Хьетсо, руководитель «скандинавской» группы электронного исследования стиля Шолохова и Крюкова, в своем выступлении перед студентами и преподавателями филологического факультета Нижегородского университета 13 декабря 1994 года поведал, что на Западе распространяется (хотя идет из России) версия о том, что подлинным автором «Тихого Дона» является... Николай Гумилев. Да, да, Гумилев – поэт, муж Анны Ахматовой, расстрелянный большевиками в Петрограде. Якобы он спасся от расстрела, ушел в глубокое подполье, и там писал «Тихий Дон», передавая рукопись Шолохову.

¹⁰⁰ Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, №11, с. 259

¹⁰¹ Донская волна, 1919, № 10, с.8

Это уже похоже на то, что от ненависти к Шолохову, от бессилия и от безысходности у его недоброжелателей, как говорится, «крыша поехала». Пусть пишет «Тихий Дон» все равно кто, хоть покойник, лишь бы только не Шолохов!

9. Проблема рукописей «Тихого Дона».

Недоброжелатели Шолохова весьма вольно чувствовали себя и считали возможным выдвигать любые версии и поддерживать любые слухи и сплетни, так как были уверены: объективно проверить их невозможно по той причине, что рукописей «Тихого Дона» не существует. Супруги Макаровы называют свой анализ проблемы авторства «Тихого Дона» «текстологическим» – это нонсенс: о каком «текстологическом» анализе может быть речь без исследования рукописей, их вариантов?

Поэтому вопрос о судьбе рукописей в рамках данной проблемы – не праздный, а самый что ни на есть главный. Центральный вопрос!

В течение нескольких десятилетий считалось, что рукописи погибли во время войны при бомбежке немцами Вешенской. Между прочим, даже это Солженицын поставил в вину Шолохову, у которого тогда при бомбежке погибла мать: *«В 1942 г., когда фронт подошел к станции Вешенской, Шолохов, как первый человек в районе, мог получить транспорт для эвакуации своего драгоценного архива предпочтительнее перед самим райкомом партии. Но по странному равнодушию это не было сделано»*¹⁰².

На самом деле Шолохов упаковал рукописи в деревянный ящик и передал в районное управление НКВД, считая, что там они сохранятся надежнее. Но и здание НКВД было разрушено, и бойцы, оборонявшие Вешенскую, видели, как по улицам носились под ветром кипы листов разрозненных шолоховских рукописей. Командиры приказывали солдатам собирать эти листы, но, конечно, это трудно было сделать под непрерывным огнем, и большая часть из них погибла. Правда, уже во время войны и после нее на Западе вдруг появлялись и вновь исчезали в частных архивах разрозненные листы шолоховских автографов. После войны, осенью 1945 года, командир танковой бригады, оборонявшей в 1942 году Вешенскую, передал Шолохову 137 листов рукописей, относящихся к 3 и 4 книгам романа. В 1976 году писателю Анатолию Калинину одна из читательниц прислала еще один лист, а 1986 году в ЦГАЛИ в папке с бумагами, приходившими в Москву во время войны на имя Шолохова, Ю.Дворяшиным были обнаружены еще 6 листов автографов. Все эти материалы были переданы писателем в ИРЛИ (Пушкинский дом) в Ленинграде, где и хранились всегда.

Что касается черновиков, рукописных вариантов первых двух томов, то, как уже говорилось, писатель в 1929 году представил их в рас-

¹⁰² Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. 1996, с. 8

поряжение комиссии М.Ульяновой, разбиравшейся в первый раз в деле по обвинению Шолохова в плагиате. Считалось, что эти рукописи тоже погибли во время войны. На самом деле они так тогда и остались в Москве, у одной из родственниц Е.Г.Левицкой. И.Жуков пишет об этом так: *«Шолохов сказал той женщине: «Храни. Будет трудно – продашь. Но только после моей смерти»¹⁰³.*

И вот в июле 1991 года газеты сообщили: рукописи найдены. Графологическая экспертиза, проведенная во Всесоюзном НИИ судебных экспертиз, подтвердила их подлинность и подлинность почерка Шолохова. «Комсомольская правда» сообщила об этом под ерническим заголовком «Сенсация: «Тихий Дон» написал Шолохов»¹⁰⁴, «АИФ» - в статье под названием «Откуда течет «Тихий Дон?»¹⁰⁵. Честь этого «открытия века» принадлежит журналисту Льву Колодному, известному знатоку и исследователю географии и истории Москвы. Он опубликовал сообщения о своей находке, фотографии первых страниц автографа и рассказ о характере архива в трех номерах газеты «Рабочая трибуна»¹⁰⁶. Ни один «демократический» журнал не захотел опубликовать статьи Льва Колодного о его драгоценной находке; опубликовала только оппозиционная «Москва».¹⁰⁷

Так что рукописи, отсутствие которых позволяло «сомневаться» в авторстве Шолохова, найдены. Это около 900 страниц автографов первой – пятой частей, из них 656 страниц черновиков и беловиков, написанных рукой Шолохова. *«Причем, судя по огромному объему правки, первые две «художественные книги» романа действительно принадлежат Шолохову-художнику, а не Шолохову-пропагандисту и агитатору за Советы, на противопоставлении которых и построены в основном концепции почти всех «исследователей»¹⁰⁸ так называемой «проблемы авторства».*

Теперь никаких «версий», «теорий», касающихся этой проблемы и имеющих сколько-нибудь серьезное научное значение, не может быть без текстологического исследования рукописей, их вариантов, черновых и беловых автографов Шолохова.

Беда в том, что архив остается в руках частных владельцев. Л.Колодный и исследователи из ИМЛИ располагают лишь ксерокопиями этих материалов, подлинники же не находятся в государственных хранилищах и могут быть снова утрачены.

¹⁰³ Жуков И. Рука судьбы. М., 1994, с.25

¹⁰⁴ Комсомольская правда, 1991, 5 июля

¹⁰⁵ Аргументы и факты, 1991, № 17

¹⁰⁶ Колодный Л. Рукописи «Тихого Дона» // Рабочая трибуна, 1991, 4, 5, 8 октября.

¹⁰⁷ Колодный Л. Рукописи «Тихого Дона» // Москва, 1991, № 10

¹⁰⁸ Буйда Ю. «Тихий Дон» течет на Запад? // Известия, 1998, 25 февраля

9. Проблема аутентичности текста существующих изданий «Тихого Дона».

И.Медведева-Томашевская, Зеев Бар-Селла, А.С.Макаровы строят свои выводы на основании расчленения текста «Тихого Дона» на части, которые, по их мнению, написаны подлинным автором, и на части, написанные «соавтором», т.е. Шолоховым, а также пытаются выявить «соавторскую» правку.

И вот тут они допускают полный произвол, приписывая редакторскую, очень сильную в разных изданиях, особенно после публикации сталинского письма Феликсу Кону о «грубых ошибках» Шолохова, правку самому Шолохову. Аутентичного издания текста «Тихого Дона» не существует до сих пор, и в опубликованных изданиях еще нужно отделить шолоховское от нешолоховского – редакторского, а также восстановить выброшенные цензурой места (чего не сделаешь без изучения рукописей). Только после этого, если останется еще охота, можно пытаться применить гипотезу «автор – соавтор» для расчленения текста.

Чтобы была ясна серьезность положения, приведу лишь некоторые примеры цензурных и редакторских вмешательств в текст романа¹⁰⁹.

Вот пример ВСТАВКИ не шолоховского текста:

«Съезд фронтового казачества в станице Каменской объявил о переходе власти в руки Военно-революционного комитета. Узнав об этом, Ленин сказал по радио: на Дону 46 казачьих полков объявили себя правительством и воюют с Калединым.

Казачи-фронтовики послали в Петроград, на Всероссийский съезд Советов, своих делегатов.

В Смольном их принял Ленин.

- Сотрите с лица земли врагов народа, выгоните Каледина из Новочеркаска,- призывал казаков Всероссийский съезд Советов» (часть 5, гл.1X).

Это и есть то, что Солженицын и его единомышленники называют «пропагандистскими вставками» и приписывают Шолохову, считая, что такими вставками он ухудшал исходный текст чужой рукописи.

И это далеко не единственный пример не шолоховских вставок. В 1953 г. в текст редактором К.Потаповым был введен даже Сталин (в общую характеристику положения на фронтах – слава богу, хоть не в действии). Позднее Шолохов выбросит эту дописку, как и многие другие.

Есть существенное ИСКАЖЕНИЕ, причем касающееся важнейшего эпизода самосуда над пленными офицерами. Во многих изданиях романа после 1953 года Подтелков убивает Чернецова в порядке самозащиты – так как Чернецов выхватывает из потайного кармана браунинг. Вот

¹⁰⁹ См. об этом: Семанов С. Восстановленный «Тихий Дон» // Наш современник, 1998, № 1.

тогда Подтелков рубит Чернецова шашкой. В такой редакции представлен этот эпизод и в хорошем фильме Сергея Герасимова – трехсерийной экранизации «Тихого Дона».

Есть весьма существенные ИЗЪЯТИЯ из шолоховского текста. Даже в пейзажных картинах. В описании событий конца 1917 года, когда красные части приближаются к казачьим станицам, Шолохов писал: *«Орудийный гром первых боев уже несли ветры с Украины»*. Дальше – изъятые из текста фразы: *«Жухлые надвигались на область дни. Гиблое подходило время»*.

Из начала третьей книги исчезли слова Петра Мелехова, которые он говорит Григорию: *«Ленин, Троцкий, Дудаков нас стравили, дураков»*.

Исключены из описания схода в Татарском слова: *«Председатель ревкома заерзал на стуле, ровно волк, ущемленный капканом»*.

Изъята фраза о красногвардейских отрядах, которые были *«на треть разбавлены китайцами, латышами и прочими иноземцами»*.

В 1-й главе 2-й книги Бунчук читает сослуживцам-офицерам в землянке статью Ленина в швейцарском эмигрантском издании. В ней – призыв к поражению в войне своего отечества. Он сохранен, а вот комментарий Бунчука снят:

«Рабочие не имеют отечества,- чеканом рубил Бунчук,- В этих словах Маркса – глубочайшая правда! Нет и не было у нас отечества! Дышите вы патриотизмом. Проклятая земля эта вас вскормила и вспоила, а мы... бурьяном, полынью росли на пустыре. Нам не в одно время с вами цвести».

Казак называет родную землю проклятой, патриотизм для него ненавистен. Понятно, что такое классовое ожесточение приведет Бунчука и к жестокому самосудному убийству Калмыкова, и потом в палаческую команду ЧК – расстреливать «врагов», в том числе и тех, у кого темные рабочие руки и земля под ногтями.

Снят ответ Листницкого Бунчуку:

«Горячась, заговорил Листницкий. Он, видимо волнуясь, застегнул ворот рубашки и, быстрее шагая, тычась из угла в угол, сыпал дробный горошек слов:

- Статья эта – жалкая попытка человека, выброшенного родной из ее пределов, повлиять на ход истории. В наш век реальные пророчества не пользуются успехом, а такое пророчество – тем более. Истинно русский человек пройдет мимо этих истерических выкриков с презрением. Болтовня! Превращение войны народа в войну гражданскую... о, черт, как это подло!».

Читатели не могли составить представление ни о резком неприятии русским патриотом Листницким ленинского пораженчества, ни о степени наивности Листницкого, недооценившего реальности ленинских пророчеств.

Снят был авторский текст об «обработке» Штокманом казаков, Ивана Алексеевича Котлярова, в частности:

«Обрабатывая его, думал в свое время Штокман, Осип Давыдович: «Слезет с тебя, Иван-свет Алексеевич, вот это дрянное национальное гнильцо, обшелушишься, - и будешь ты – непременно будешь! – кусочком добротной человеческой стали, пружинкой в общем массиве нашей партии. А национальное гнильцо обгорит, слезет. При выплавке неизбежно выгорит все ненужное».

Для таких, как Штокман, национальное чувство – гнильцо. И просвечивают в его словах идеи денационализации России, которые потом, в 20-х годах, будет пропагандировать Троцкий.

Во втором томе был изъят целый персонаж и связанная с ним колоритнейшая сцена, передающая нравы в красногвардейском отряде Подтелкова. Это сцена в вагоне, в котором отряд Подтелкова движется в поход по станицам – навстречу своей будущей гибели:

«Кривошлыков зло глядел на Зинку – «шмару» Подтелкова, белесую полногрудую девку, которую он вез с собой под видом милосердной сестры. Зинка дарила тщедушного Кривошлыкова такой же антипатией: развалив толстые ноги, привалясь к цибику чая, она курила, мяла папиросу мелкими зверушечьими зубами и вызываясь, нагло улыбалась. Они почувствовали друг к другу острую неприязнь со дня первой же встречи. Кривошлыков ждал момента, чтобы обрушиться на Подтелкова и выкинуть из вагона эту мразь.

- Походом бы можно... Можно, если б меньше багажу. Баб одних на воз не покладешь. К черту! Я вот вопрос подниму, чтобы повыкинуть их вон!

- Оставь, Михаил, - смущенно попросил Подтелков.

- Ничего не оставь! – звеня зубами, выговорил Кривошлыков, - нечего баб катать в такой момент.

Зинка вскочила, будто дымком вспыхнули синие ее глаза.

- Не на твои еду, подхвостная дрожалка! Не трясись!

- А ну замолчи!

- Чести тебе много, сопляк! Офицеришка несчастный!

- Отставить! – резко, как в строю, крикнул Подтелков, и кулаком Зинке: - Замолчи, ты! А то за волосья да на ветер!

Зинка, негодуяще дрожа ноздрями, смолкла».

Разве эта сцена была бы лишней в тексте романа?

Поэтому одной из важнейших, если не самой важной задачей шолоховедения сейчас является текстологическая работа, восстановление подлинного шолоховского текста «Тихого Дона», его научное издание с учетом всех имеющихся теперь вариантов рукописей.

10. Причины ненависти к Шолохову.

«Проблема авторства», версия о «плагиате» Шолохова обсуждается уже 70 лет – с 1928 года. И в самом начале, и теперь обличители Шолохова обнаруживают жгучую ненависть к объекту своего «исследования», злость, выходящую за пределы научной полемики. Почему? В чем причина?

- А.Серафимович еще в самом начале сказал: зависть. А сам Шолохов в ответ на вопрос Гейра Хьетсо – не зависть ли причина всего? – ответил кратко: «**Зависть организованная**».
- Другая причина – политическая. Версия о «плагиате» на протяжении всей истории своего существования всегда «реанимировалась» и оживлялась в острые политические моменты. Кроме того, обличителями Шолохова всегда выступают те, кого не устраивает политическая и общественная позиция Шолохова¹¹⁰. К ней можно по-разному относиться: можно поддерживать, можно отвергать и осуждать, но переносить свое отношение к автору как человеку и гражданину на область творчества, на художественные произведения – значит подвергнуть их изначально необъективному, одностороннему толкованию и оценке. Как сказал кто-то: гениальные произведения пишут не хорошие люди, а хорошие писатели.
- Третья – «русофобия». Об этом пишут и защитники, и ненавистники Шолохова.

Из числа защитников, например, Сергей Семанов: *«В чем же причина такой долгой, упорной и незатухающей ненависти.. к русскому гению? Чем же он им так насолил? Если всерьез задуматься над этим вопросом, то ответ найти не трудно, ибо он прост. **Ненавидят Шолохова именно те, кто явно или тайно ненавидит саму историческую Россию.***

¹¹⁰ О неприятии по этим причинам Шолохова в «диссидентских» кругах Владимир Васильев написал так: «Всех перекричала и затмила ... третья волна (эмиграции С.С.), вот уже более 20 лет пережевывающая величайшие потрясения в отечественной истории и обогащающая нас рассказами о том, как в хрущевские времена бульдозерами сносили выставку нового авангарда; сколь жестоко преследовались отважные авторы примитивного «Метрополя» (некоторых даже исключили из Союза писателей); каким гонениям – за тунеядство – подвергался великий Бродский, и требовалось недюжинное мужество, чтобы протокольно зафиксировать судебный процесс над ним; одному писателю в Литфонде отказали в шапке из ценного меха, и тот сделал из этого факта выдающуюся повесть о непереносимых страданиях человека в Советском Союзе, повесть, само собою, превосходящую по качеству и глубине проникновения в человеческую психологию гоголевскую «Шинель»... Автору «Тихого Дона», как и в злосчастное порубежье 20-30-х годов (когда Шолохов слыл антисоветчиком по меркам неистовых ревнителей чистоты марксизма, дедов и отцов современных радикальных перестройщиков), до сих пор не могут простить последовавших за присуждением ему Нобелевской премии выступлений на XXIII съезде КПСС (с осуждением Синявского и Даниэля), речи на 1У Всесоюзном съезде писателей (о «ревнителях свободы печати»), отзыва о произведениях Солженицына... Все это копилось годами, искало выхода, прорвалось в середине 70-х на Западе, а в пору перестройки по-обезьяньи повторяется у нас. Неприязнь к Шолохову... была перенесена на «Тихий Дон». Подмена... совершается по законам жестокой политической борьбы: столь яркий, по «принципиальной» характеристике диссидентов, защитник советского ГУЛАГа, как Шолохов, не может быть создателем шедевра, равно как и любой другой русский писатель советского времени». (Васильев В. Ненависть // Молодая гвардия, 1991, № 11, с. 245, № 12, с.235.

«Тихий Дон» есть «Илиада» нашего века... Человечество и сегодня, и вчера, и вот уже 25 веков представляет древних греков прежде всего в образах Гомера. Ими, а не точными археологическими описями, вдохновлялись позднейшие великие художники. То же скажут позднейшие потомки о шолоховском романе применительно к эпохе русской революции – трагической и великой. И «Тихий Дон» до конца мира останется лучшим и подлинным источником той эпохи, затмив собой все прочие – письменные и вещественные. Как «Илиада».¹¹¹

Из числа ненавистников Шолохова, - например, Виктор Астафьев. Для него «Поднятая целина» – «подлая книга», «Они сражались за Родину» – «оперетка на военную тему», «день смерти Шолохова – самый счастливый день жизни». Но «Тихий Дон» он любит, в авторстве Шолохова не сомневается и пишет на эту тему следующее:

«Есть великая книга «Тихий Дон», и автор ее – молодой русский мужик Шолохов Михаил Александрович. До книги этой не вошла ни одна литература двадцатого века, а любовь такую не скоро кому-либо удастся сотворить на бумаге, ибо она-то и есть главная мощь и трагедия русской нации, и краса ее, и погибель. Евреи отчего набросились на это творение – величайшее творение века! – оттого, что ничего подобного они создать не могут и еще долго не смогут, ибо выносили много отдельных трагедий и страданий, но трагедию нации своей им не дано было выносить и разродиться ею, потому как нация была раздроблена, разъединена на части и пока еще нацией себя не осознала. Только поэтому они хватают любого своего художника – от Фейхтвангера до Гроссмана, от Мандельштама до Бродского – и поскорее объявляют его гением, а творения его – гениальными. Хочется – вот и торопятся. Ведь «Жизнь и судьбу» – роман еще сырой, не заверченный по всем «разделам», без крупных, общечеловеческих характеров, без глобальных проблем и судеб – поспешили объявить выше «Войны и мира», а уж «Тихому Дону» и делать нечего, рядом не лежать».¹¹²

¹¹¹ Семанов С. Восстановленный «Тихий Дон» // Наш современник, 1988, № 1, с. 240

¹¹² В. Астафьев. Письмо О.Хомякову // Хомяков Олег. Мой взгляд на Астафьева // Литературная Россия, 1997, № 46, 14 ноября, с. 6 (А далее в том же письме Астафьев пишет: «Но, Олег, есть еще Шолохов, написавший подлую книгу – «Поднятая целина» и оперетку на военную тему: «Они сражались за Родину». Ты, помнящий каждое слово, каждый штришок из биографии «любимого с юности писателя», вдруг забыл его слова, которые цитировались на каждом углу и которыми в кровь, до костей, как казацкой нагайкой, секли нашу, с колен поднимающуюся литературу: «Говорят, что мы пишем по указке партии, но наши сердца принадлежат партии, и мы пишем сердцем»... Нам кланяться ему и благодарить его приходится за то, что он наглядно учил, как не надо себя вести в жизни и литературе, да ведь и на душу наслаивается тяжкий груз и горечь в сознании – уж если гений наш, российский, подвержен был такой порче, что тогда спрашивать с простого народа, «Тихого Дона» не написавшего,- пусть себе дальше бегают под кровавыми знаменами, торопясь со своей партией к счастливому прошлому – ведь с а м говорил про партию родную эвон как! эвон че!» (там же).

9. «Аналитический» аспект дискуссии.

Методология и научные результаты применения гипотезы «автор-соавтор» к исследованию «Тихого Дона»

- Вопрос об авторстве «Тихого Дона» – на той же точке, что и в начале всей истории с обвинением Шолохова в плагиате. Однако сосредоточение внимания на этой проблеме не только не решает поставленного недоброжелателями Шолохова вопроса, но и мешает серьезному научному изучению «Тихого Дона». По сути изучение этого литературного шедевра с 70-х годов, когда «шолоховский вопрос» был сведен почти исключительно к «проблеме авторства», не продвинулось ни на шаг. Не выдвинуто ни одной новой серьезной концептуальной идеи, и научный арсенал «шолоховедения» остается на уровне, достигнутом к середине 70-х годов.
- Сами по себе споры об авторстве, сама постановка этой проблемы применительно к художественному произведению – факт положительный: он бесспорно свидетельствует о гениальности произведения. Проблема авторства существует, обсуждается, является предметом бесконечных дискуссий применительно к таким шедеврам мировой литературы, как «Илиада», трагедии Шекспира, стихи Омара Хайяма, наконец, «Слово о Полку Игореве». В этом смысле для «Тихого Дона» оказаться в таком ряду, а для Шолохова – в компании Гомера и Шекспира – немалая честь.
- Что будет, если представить гипотетически, что версия о плагиате будет когда-нибудь бесспорно доказана? Шолохов будет дискредитирован как личность, но бросит ли это тень на сам роман? Он существует независимо от автора, от того, кто его настоящий автор. Этот тезис был бы вполне правилен и даже утешителен, если бы не одно обстоятельство.
- Обстоятельство это заключается в следующем. Атака давно уже идет не на Шолохова, а на сам «Тихий Дон». Когда Шолохов сказал, поставив точку в финале: «Роман я написал, а теперь пусть хоть четвертуют» – он имел в виду себя. Но теперь речь идет не только об авторе, тем более что его давно нет в живых. Дело обстоит куда хуже: **четвертовать пытаются сам роман.**
- И.Н.Медведева-Томашевская и А.Солженицын в исследовании «Проблемы авторства» «Тихого Дона» выделяют два аспекта. Первый – «детективный, т. е. выяснение вопроса о плагиате: был ли он, кто подлинный автор, каким образом и при каких обстоятельствах его рукопись могла попасть к Шолохову и т.д. О плачевных результатах «детективного» расследования дела о «плагиате» мы уже говорили. Другой аспект, который участники этого расследования называют «аналитическим», - это препарирование текста романа с целью выделения в нем первоначального («авторско-

- го») слоя и отделения его от позднейших – «соавторских», т.е. собственно шолоховских, – наслоений.
- Методологию, научные и практические результаты такого анализа необходимо выявить, взвесить и оценить. Правда, для того, чтобы увидеть и оценить их во всем объеме и со всем их убожеством, нужно иметь представление о собственно научных результатах исследований «Тихого Дона». Но даже и без этого оценка такой методологии вполне возможна. Здесь я обращаю внимание на главное – на то, что с её помощью делается попытка расчленения, то есть убийства гениального романа.
 - Выдвинутая И.Медведевой-Томашевской и ее покровителем А.Солженицыным гипотеза «автор-соавтор», поддержанная и развиваемая дальше З.Бар-Селлой и супругами Макаровыми, превращается в научный инструмент «четвертования» «Тихого Дона». В основе применяемого здесь исследовательского метода лежит предложенная И.Н.Медведевой-Томашевской гипотеза «автор-соавтор», т.е. предположение о существовании текста подлинного автора романа и об обработке, искажении и дополнении его «соавтором» - Шолоховым. Соединение авторского и соавторского начал в тексте есть, по мысли Медведевой-Томашевской, «соединение механическое», и «это дает право говорить о «соавторе» как о преступнике, искажившем создание автора»¹¹³ Вслед за нею и А.Солженицыным гипотезу «автор-соавтор» развивают и применяют для решения вопроса о «плагиате» и в целях «полной реконструкции протографа – исходного, первоначального текста романа»¹¹⁴ и другие критики Шолохова.
 - А.И.С.Макаровы идут в этом отношении дальше всех: сначала предполагают, что «в создании «Тихого Дона» участвовало по крайней мере два человека», при этом роль одного из них, составителя, могла быть лишь чисто внешней, механической – ролью компилятора и редактора, но никак не создателя не автор неповторимого художественного мира эпопеи»¹¹⁵, затем говорят уже о «многоликом» соавторе, пользовавшемся услугами «многочисленных редакторов, помощников, консультантов», то есть о существовании за спиной Шолохова целой компании – «достаточно мощной интеллектуальной силы, сумевшей спланировать и направить непосредственную литературную работу Шолохова».¹¹⁶
 - В основу гипотезы «автор-соавтор» кладутся априорные установки, определяющие те критерии, по которым выявляются их различия. При этом четко устанавливаются (притом, повторяем, априорно,

¹¹³ Загадки и тайны «Тихого Дона». – Самара, 1996. С.19

¹¹⁴ Там же. С.220

¹¹⁵ Там же. С.490.

¹¹⁶ Там же. С.12-13.

без каких-либо доказательств) исходные критерии, по которым различаются «автор» и «соавтор». Каковы они?

АВТОР

«белый»

высококультурный

образованный

гениальный

СОАВТОР

«красный»

низкокультурный

необразованный

бездарный

Последний критерий И.Медведева-Томашевская подкрепляет опять-таки априорно предполагаемыми признаками **стиля** того и другого. Для «автора» это «соединение бытописательской манеры с импрессионизмом свободной живописности», а «также органическое сочетание донского диалекта с интеллектуальной речью писателя» Соавтор же вообще не художник, а «публицист-агитатор», его язык «отличается бедностью и даже беспомощностью, отсутствием профессиональной беглости и грамотности» и «не имеет ни одного из признаков речи «автора»¹¹⁷

Субъективизм исходных установок признают и сами шолоховские разоблачители. «Главная трудность, – пишут А.и С. Макаровы, – отсутствие объективных критериев оценки текста и его авторства. Основную задачу разделения текста на авторскую и соавторскую приходится решать на основании во многом субъективных представлений и оценок исследователя»¹¹⁸.

Понятно, что априоризм и субъективность таких установок обусловливают крайнюю **тенденциозность** в применении указанных критериев в операциях разделения текста на «авторский и в оценках, выделенных на основании их применения фрагментов как «авторского», так и «соавторского» текста.

А по сути методология отсложения «авторского» текста от «соавторского»¹¹⁹ ведет к расчленению, раздроблению даже того текста, который приписывается «автору» (об этом достаточно опрометчиво и наивно поведали на стр. 385 своего труда супруги Макаровы¹²⁰).

В итоге все это складывается в методологию крайних упрощений. Редукции, выпрямлению, плоским примитивным упрощениям подвергаются практически все основные элементы романной структуры: конфликт роман, его идейный комплекс, характеры, мировоззрение и пси-

¹¹⁷ Загадки и тайны «Тихого Дона». – Самара, С.12-13.

¹¹⁸ Там же. С. 335.

¹¹⁹ При том, что без необходимого для такой работы, если бы она была нужна, предварительного твердого установления аутентичного, освобожденного от цензурных и редакторских наслоений и изъятий текста, применение такой методологии вообще лишено смысла и изначально гарантирует ложные результаты.

¹²⁰ «Авторский текст в этом случае распадается на несколько полунезависимых произведений» (и далее очерчиваются по крайней мере три таких «произведения»: предвоенные главы – одно, главы о мировой войне – другое, главы о революции и гражданской войне – третье, причем «автор» каждого из трех оказывается разным по мироощущению и представлению о мире (См. Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996, с.385).

хология героев, сюжет и композиция, стиль, и, разумеется, позиция автора (как предполагаемого подлинного автора, так и предполагаемого «соавтора»).

Лучше всего показать это на конкретных примерах.

«Идеологию романа» (подлинного, и не «испорченного соавтором») обличители Шолохова хотели бы видеть незамутненно чистой, выдержанно белогвардейской или в крайнем случае «белоказачьей». Идеологическую однозначность предлагается видеть в «авторском» «первоисточнике» вместо тех сложностей и противоречий, из которых буквально соткана образная материя романа. Поэтому критики Шолохова с досадой отмечают, что такое желательное для них «однозначное восприятие идеологии романа» «затрудняют взаимоисключающие трактовки событий, описываемых на его страницах».¹²¹ Когда эти «взаимоисключающие трактовки» приписываются разным героям – это еще куда ни шло, но когда они принадлежат одному и тому же герою (Григорию Мелехову) или содержатся в авторских комментариях, в речи повествователя – это для Медведевой–Томашевской или Макаровых не свидетельство противоречивости характера, психологии, идейных метаний героя и не признак сложности в системе авторских оценок сложнейших, очень неоднозначных ситуаций и событий, а только досадная и ненужная, все усложняющая путаница, являющаяся результатом неуместного и некомпетентного вмешательства «соавтора», который вносит противоречия и путаницу в кристально идеологически четкий и ясный авторский текст. В результате и происходят, по мнению Медведевой–Томашевской, «повороты персонажей в сторону, противоположную той, куда они были направлены поначалу», а авторский текст представляет собой какой-то странный спор, непрерывную отмену собственных мыслей»¹²².

Григорий Мелехов, с точки зрения Медведевой–Томашевской, А.и С. Макаровых, в авторском «протографе» был кристально чистым представителем белого или белоказачьего лагеря, вроде Листницкого, и для него были совершенно исключены, немислим, какие-либо тяготения, а тем более переходы в лагерь «красных».

Привнесенными «соавтором» и чуждыми образу характера и Григория Мелехова являются якобы такие черты, как его неприязнь и ненависть к офицерству (их якобы никоим образом не может быть у Григория, который сам является офицером), как его отвращение к «бессмысленной нелепице войны» («о какой бессмыслице для казака – потомст-

¹²¹ Загадки и тайны «Тихого Дона»

¹²² Там же. С. 131.

венного и профессионального воина» – можно говорить?»- вопрошают Макаровы¹²³.

Поэтому сцена убийства четырех красных матросов воспринимается ими с восторгом и оценивается безусловно со знаком «плюс», приводится как пример подлинно «авторского» текста – в нем выразилась «отчаянная решимость», «бьющая через край энергия», «замозабвение» в праведном бою, ненависть к врагу, «олицетворением», которого становится как пишут супруги Макаровы, «**матросня**», особо отличившаяся в годы гражданской войны на поприще кровавого установления «новой жизни»¹²⁴. А вот припадок и истерика Григория после этой кровавой рубки – явно добавка соавтора: не может Григорий мучиться и сожалеть об этом убийстве.

Зато убийство корниловского полковника, которого Григорий с яростью «навернул» в бою, будучи в Красной Армии, – это, по мнению критиков Шолохова, , безусловно, «соавторский», шолоховский текст, которого не было и могло быть в авторском «протографе». И комментарий – соответствующий: «Соавтор дорисовывает образ отменного садиста, смачно, с подробностями рассказывающего о расправе над корниловским офицером»¹²⁵.

Григорий как офицер белой армии или командир повстанцев – рыцарь в белых одеждах. Григорий-красноармеец, хоть и комдив , и в прошлом четырежды георгиевский кавалер – отвратительный, одновременно трусливый и жестокий, ко всему равнодушный мясник-рубака. «Вместо сознательного и бесстрашного защитника родины возникает вояка-садист, которому все равно, где и кого рубить»¹²⁶.

Убийство красных –справедливое возмездие врагу героя-патриота, убийство белых —, конечно же, не подвиг, а «расправа» «отменного садиста». О какой объективности анализа может идти речь? Мы имеем дело с явным тенденциозным и крайне идеологизированным препарированием текста.

В итоге такого препарирования образ Григория Мелехова упрощается до крайности. Все противоречия в характере, мировосприятии, психологии устраняются. Даже сама мысль о возможности каких-либо «блуканий» между белыми и красными не допускается, однако же «с достойным лучшего применения упорством «соавтор-двойник» продол-

¹²³ Загадки и тайны «Тихого Дона». С. 132.

¹²⁴ Там же. С. 345.

¹²⁵ Там же. С.379.

¹²⁶ Там же. С. 135.

жает развивать свою тему политических «блуканий» героя»¹²⁷, пишет И.Медведева-Томашевская

Упрощению подвергается не только образ главного героя. «соавтор» упрекается в том, что он всё ми всех делит не белых, которые для него черным-черны, и на красных, которые, наоборот, у него всегда светлым-светлы. В действительности такая двуцветность оценок характерна не для Шолохова, а для его критиков, у Шолохова же и среди белых есть герои и палачи, и среди красных есть самоотверженные и храбрейшие патриоты.

Эта тенденциозность оценок касается не только Григория.

Вот, к примеру, сцены, связанные с Григорием и Аксиньей после возобновления их связи. Повстанцы, прижатые к Дону красными, в отчаянном положении. Григорий мечется вдоль фронта, ища выхода из отчаянной ситуации, а Аксинья, вызванная им в Вешенскую, ждет его и сердится, что его все нет и нет. Как эти сцены трактуют Макаровы?

«Многое в этих сценах звучит фальшиво. Вот как она (Аксинья – С.С.) выражает свои чувства к Григорию. «Вызвал в Вешки, сулил – вместе будем, а сам лытает черт-те где! Озлобленно думала она, лежа в горнице, покусывая яркие, но уже блекнувшие губы» Это говорится о повстанческом командире, который готовит оборону казаков на последнем рубеже – по берегу Дона! В момент смертельной опасности... для всех казаков – «лытает черт-те где», «где же он, проклятый?», «горели расширившиеся злые глаза». Прочитав такие строки, мы не верим в образ страстно любящей женщины... мы видим лишь озлобленную недовольную самку, безразличную к общей с Григорием родине»¹²⁸.

Каково? Можно ли с такой идеологической зашоренностью, с такой глухотой к художественному тексту, с таким элементарным непониманием психологии женской психологии претендовать на «научные» результаты анализа его текста?

Фантастический непрофессионализм А.и С. Макаровых в анализе художественного текста доходит порой до абсурда, до анекдота. Некоторые их «аргументы» по своей нелепости заслуживают занесения в книгу рекордов Гиннеса. Такова, к примеру, «гинекологическая», если можно так выразиться, версия доказательства грубого вмешательства Шолохова как даже и в этой области безграмотного мужлана как «соавтора» в авторский текст. Речь идет о деталях описания беременности Аксиньи и рождения ею ребенка. Тут, пожалуй, не обойтись без цитат.

¹²⁷ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 1996. С74.

¹²⁸ Там же. С. 422.

«Из текста второй части следует, что целенаправленно стремясь вернуть себе Григория, Аксиныя склоняет его, уже женатого на Наталье Коршуновой, к повторной связи в ноябре месяце во время порубок деленок. (Предыдущая их встреча в подсолнухах была во время покоса жита в июле).¹²⁹ Однако уже в декабре, оступившись, Аксиныя чувствует «резнувшую боль в животе», а затем в боку» что-то живое, переворачиваясь, стукнуло гневно и сильно, несколько раз подряд».

Вод и попался незадачливый «соавтор»: «Исходя из логики событий, беременность Аксиныи могла наступить не ранее, чем за четыре с половиной месяца от описанной встречи, так как шевеление плода в чреве матери обычно определяет половину срока беременности»¹³⁰. А вместе с ним попала на лжи и Аксиныя, пытающаяся выдать ребенка Степана за дитя Григория. И вот торжествующий приговор суровых «аналитиков»:

«1. Хронологически не совпадает срок зачатия «с порубок» и описание шевеления плода «в декабрьское воскресенье».

2. Заявление Аксиныи о бездетности Степана не соотносится с фактом рождения их общего ребенка через полтора года после свадьбы.

3. Исходя из описания шевеления плода в декабре, жизнь Аксиныи и Григория в Ягодном приходится на вторую половину беременности Аксиныи. Версия 20-й главы, приведенная выше, этому противоречит, поскольку содержит прямые указания на токсикоз первой половины беременности («от мясного рало»..., проявлявшийся в Ягодном во время совместной с Григорием жизни. Получается, что признаки, характерные для разных сроков беременности, введены в текст в обратной последовательности.

4. Роды «подурневшей за лето» Аксиныи укладываются в срок зачатия «с порубок», но противоречат срокам шевеления плода»¹³¹.

«Аналитики-гинекологи» твердо отводя возможный (и вполне естественный) довод защитников Шолохова, что, дескать, такая «неосведомленность» в физиологических деталях может свидетельствовать как раз о молодости и неискушенности автора, в отличие от куда более старше его по возрасту предполагаемого всеми ненавистниками Шолохова «подлинного» автора, которому такого рода претензии куда уместнее было бы предъявить. Но они неукоснительно проводят свою линию на шолоховского безграмотного, в том числе и в вопросах гинекологии,

¹²⁹ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара, 422.

¹³⁰ Там же. С. 423.

¹³¹ Там же. С.14щ

«соавторства» «Для нас этот факт также свидетельствует о значительности внедрения Шолохова в создание образа Аксиньи»¹³².

Удивительно, что работу А.и С.Макаровых предложила для первой публикации своим читателям не какая-нибудь бульварная газетенка, а когда-то самый авторитетный отечественный журнал «Новый мир», в то время еще не утративший своего авторитета у читателей.

Критики Шолохова в своем стремлении восстановить «столбовую тропу» сюжета «авторского» текста «Тихого Дона» стремятся «срезать обходные тропы, противоречащие направлению тропы столбовой» (И. Медведева-Томашевская)¹³³. В результате всё в сюжете, что связано с «блуканиями» Григория, особенно в сторону «красных», изначально отсекается, и сюжет «протографа» превращается в описание прямого, как стрела, бескомпромиссного пути рыцаря «белой» или «самостийной» идеи. «Это был путь смелейшего из храбрых, кто возглавил Верхнедонское восстание»¹³⁴ (порядка ради напомним, что и в жизни, и в романе, руководителем восстания был не Григорий Мелехов, а Павел Кудинов – С.С.). А основная сюжетная линия «протографа» рисуется так: «Судьба Мелехова решена еще тогда, когда уходит он из полка, где главенствует Подтелков (то, кстати, не полком командовавший, а Донским ревкомом – С.С.) И окончательно решена – когда принимает он дивизию Верхнедонской повстанческой Армии. Ход событий в повествовании, роль Мелехова - одного из вождей восстания – закономерно ведут этого героя к гибели вместе с его Боевыми спутниками. Мелехов должен погибнуть во время последнего отступа казаков, где-то на пути к Новороссийску...»¹³⁵ Таков вывод И.Медведевой-Томашевской. К этому же выводу относительно завершения сюжета «протографа» приходят и супруги Макаровы:

«Как внешняя и мощная сила, большевизм сломал старинный уклад жизни. Победила сила, но дух казачества сломить она не смогла! Все казаки уходят в отступ, не находя себе места в разоренных, развороченных непрошенными гостями жилищах, уходят, лишь бы не оставаться под ненавистной властью... В темноту ночи со старинной песней уходит казачий полк. В душе казаков – щемящая боль утраты. Но бьется сердце в надежде на возвращение Тихого Дона, родного их края.

Это, по нашему мнению, и есть истинный конец романа – глава 28-я седьмой части!

¹³² Загадки и тайны «Тихого Дона». С. 424.

¹³³ Там же. С. 142.

¹³⁴ Там же. С. 72.

¹³⁵ Там же. С.77

История жизни и борьбы хутора Татарского закончена. Ушел вдаль, за горизонт, казачий полк - и мы уже 70 с лишним лет в минуты внутренней тревоги и надежд напряженно вслушиваемся: не слышен ли снова цокот копыт, не настала ли минута возрождения?»¹³⁶

Таким образом, получается, что оставшиеся главы 3-й книги и вся 4-я книга романа (т.е. практически третья часть всего развития романного действия) оказываются за пределами авторского текста, за рамками «авторского» сюжета», это все якобы «дописано» соавтором - Шолоховым, причем «дописано» с потрясающей художественной силой, хотя он мог здесь использовать лишь фрагменты «авторского» текста, которые, по мнению Медведевой-Томашевской, могли быть связаны с изображением, как она говорит, «партизанской жизни» Григория, которую он вел после ссоры с красноармейцами и побегом из хутора. А туда, в хутор, считает Медведева-Томашевская, подлинный, «авторский» Григорий Мелехов уже не мог возвратиться при «красных», стало быть, из числа «авторских» изымается и ключевая для всего романа сцена разговора в ревкоме»¹³⁷.

Так обстоит дело с сюжетом. Пожалуй, еще хуже – с композицией.

Предполагаемый подлинный авторский «протограф», по мнению критиков Шолохова, обладал качествами исключительно гармоничного, цельного художественного произведения, и эта гармония является закономерным результатом единства авторского замысла. Вот что пишут по этому поводу супруги Макаровы: «Осмысленное отношение автора к своему труду выражается в проводимом им последовательной отборе исторического и иного материала, в выборе и определении сюжетных линий, композиции текста, которые полностью подчинены решению намеченных автором задач... Умело вводятся... те или иные реальные события, искусно переплетаются сюжетные линии, создавая нужное объемное видение проходящей перед нашим взором жизни... Тончайшие скрытые нити связывают отдельные части повествования и тянутся от одного эпизода к другому. Те или иные черты персонажей, лишь слегка

¹³⁶ Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. С. 355

¹³⁷ Так, картины партизан, партизанщины 10-16 глав 8-й части принадлежат не финалу, а должны были бы находиться где-то меж 17 и 23 главами третьей книги (там же, с. 78) По словам Медведевой-Томашевской, ни это возвращение Григория в хутор после ссоры с красноармейцами, ни тем более описанное в 8-й части возвращение его домой после совершенно невероятной для «авторского» Григория службы в Красной Армии, никоим образом не могли бы быть написаны «подлинным» автором. Что же касается финальной части то она оценивается следующим образом: «И после этого, явившись на свой хутор, Мелехов еще и тогда надеется уцелеть? Не должен уцелеть, как повествуется в романе, арест вот-вот должен свершиться. Но Григорий опять бежит с ловкостью какого-нибудь Фанфан-Тюльпана. Бежит, скрывается, становится одним из разбойников антисоветской банды Фомина и..., утомившись скитаниями и «символически» бросив оружие в Дон, является как миленький на хутор татарский. Тут уместно спросить, нам, читателям, стоило ли затевать столь серьезный труд, каким является историческая хроника «Тихий Дон», чтобы скатиться к такому слабенькому детективу? К такой мелодраме? Ситуация финала, придуманная «соавтором», никак не вяжется со всеми предшествующими, и 8-я часть романа представляется насквозь фальшивой (там же, с. 77-78). Таким образом, три важнейших сюжетных поворота от ткани романа отсекаются.

обозначаемые в начале повествования, в дальнейшем получают последовательное развитие, создавая в романе законченные и яркие художественные образы»¹³⁸. Замечательно! Именно таким и должен был бы стать (или был, по мнению критиков) реконструируемый ими авторский «протограф», освобожденный в результате их титанических усилий от наслоений, внесенных бездарным «соавтором». А что же получается на самом деле?

А на самом деле в результате их хирургических операций над текстом получилось, что выделенный ими «подлинный» «авторский» текст не только не обладает качествами художественного единства и цельности, но не составляет даже и видения мира единого произведения, а распадается, по их собственным словам, «на несколько полунезависимых произведений» Так, например предвоенные главы «Тихого Дона» написаны человеком, у которого еще не выработалось в результате многолетней войны и революции катастрофического сознания (и это один, первый роман-С.С.). Начало мировой войны описывается скорее в героической тональности. В авторском повествовании мы не сталкиваемся ни у персонажей, ни у самого автора с чувством усталости и безнадежности, которые после двух лет кровопролитной борьбы проявляются в повествовании четвертой части романа (стало быть, это другой, второй роман –с.с.). И, наконец, революция и гражданская война, показанные совершенно другими глазами, чем довоенный казачий мир или те же самые первые месяцы германской войны»¹³⁹ (а это уже и вовсе третий роман – С.С.). И все три – «авторские»? Или и подлинных авторов был не один, а несколько? Или же это распадение текста на несколько «полунезависимых произведений» обусловлено тем, что, как можно понять из рассуждений Макаровых, текст создавался в течение длительного времени, на протяжении почти 10 лет по ходу развития исторических событий как своего ода художественный дневник, художественная летопись, и – соответственно– предвоенная жизни Мелеховых описывалась в те же предвоенные годы: 1911-12-й; начало германской войны – в конце 1914-го, а события революции – параллельно с ними самими, в 1917-1919? Менялись события, менялся автор - менялось его отношение к событиям – менялся текст «дневника», распавшаяся на «полунезависимые части»- Но ведь это тоже всего лишь гипотеза, которую еще надо доказать- Так или иначе, вместо обещанного идеально гармонического «протографа» в итоге «реконструкции» явилось нечто несвязное, фрагментарное, раздробленное. Даже и «соавторский» текст раскололся, так что не только «автор», но и «соавтор» представился в ко-

¹³⁸ Загадки и тайны «Тихого Дона». С. 497.

¹³⁹ Этот свой вывод о существовании в «дошолоховском» авторском тексте нескольких различных авторских версий или редакций романа Макаровы без ложной скромности характеризуют как «настоящее открытие в текстологии «Тихого Дона» (там же, с. 490) (к этой текстологии без текста еще бы дополнить им хотя бы сам текст, которыми литературоведы в то время, когда все эти выкладки делались, шолоховеды еще не располагали –С.С.).

нечном счете А.и С.Макаровым весьма многоликим, даже коллективным – с целой командой многочисленных подгоняемых ГПУ «редакторов, помощников, консультантов»¹⁴⁰.

Заканчивая свой «труд», А.и С. Макаровы сурово выговаривают незадачливому и бестолковому «соавтору» - Шолохову: Разъединяя непрерывную цепочку авторской мысли, пронизывающую и скрепляющую весь авторский текст, соавторское действие может превратить художественное произведение в грудку отдельных осколков. Никакая последующая авторская «склейка» текста не в состоянии восстановить первоначальный кристалл. Более или менее опытные ювелиры шлифовкой и полировкой образовавшихся осколков могут еще создать какое-то количество мелких бриллиантов и оправить их для использования в качестве украшений. Но все они и отдаленно не будут напоминать то уникальное и неповторимое произведение автора, явившее миру свою Божественную красоту»¹⁴¹. Хорошие, точные слова, но обращены они вовсе не к тому адресату. Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Не «соавтор» Шолохов и не автор Шолохов, а его критики превращают гениальный роман великое создание русской литературы XX века своей отнюдь не ювелирной, а грубой, топорной работой в бессмысленный набор осколков и грубо обтесанных бревен.

По словам А.и С. Макаровых, они «постарались доказать глубокий профессионализм автора романа», освободив текст от «авторских внедрений»; на деле же продемонстрировали свой собственный глубокий филологический непрофессионализм.

По сути дела, система упрощений, которым подвергается в работах хулителей Шолохова «Тихий Дон», сводит его к механическому соединению примитивной «красной» агитки с не менее, а еще более примитивной «белой» агиткой.

При конкретном анализе исходным, определяющим критерием становится критерий идеологический («белый» – «красный»). Все остальное под эти признаки подверстывается. В результате текст «Тихого Дона» расчленяется на два слоя, и из одного гениального произведения пытаются сделать как бы два вполне заурядных: что-то вроде «Белые орлы» и «Красные орлы». Но таких романов хоть пруд пруди в советской литературе, с одной стороны, и в белоэмигрантской – с другой. А «Тихий Дон» – один. Даже если бы речь шла о расчленении на «Белую гвардию» и такого же уровня «Красную гвардию»- это было бы делом ненужным, так как в нашей литературе уже есть прекрасная «Белая Гвардия»

¹⁴⁰ Загадки и тайны «Тихого Дона». С. 490

¹⁴¹ Там же, с. 490. Хорош

и отличные романы о красной гвардии (например, «Железный поток» или «Разгром»).

В результате упражнений наших «аналитиков» гениальный роман превращается в бессмысленный гибрид нескольких заурядных, ничем не примечательных произведений.

Есть здесь и еще один совершенно не предусмотренный «разоблачителями» Шолохова эффект.

Если допустить, что Шолохов действительно имел в своем распоряжении некий «протограф» с той концепцией и теми художественными качествами, которые приписывают ему обвинители Шолохова, и что он путем переработки превратил его в тот текст, который мы имеем в результате, то надо сделать вывод о том, что он сделал из заурядного, даже примитивного произведения произведение гениальное. Обвинители Шолохова и в таком случае, вопреки своим намерениям, доказывают не его бездарность и ничтожество, а его величие и огромный талант.

В дискуссии об авторстве «Тихого Дона» поражает прежде всего примитивность доказательств, которыми оперируют критики Шолохова. Филологическим анализом тут и не пахнет. Шолоховские ненавистники просто дискредитируют себя и проблему на таком уровне дискуссии. Вот вам еще один красочный пример – из статьи М.Мезенцева, одного из ростовских ненавистников Шолохова (он доцент, кстати»). Сравниваются тексты Шолохова и Крюкова. Эпизод из «Тихого Дона»: Степан Астахов истязает Аксинью за её связь с Григорием. Аксинья приходит к Григорию со своей обидой. Далее цитата: «Аксинья злобно рванула ворот кофты. На вывалившихся розоватых, девически крепких грудях вишнево-синие подтеки. ...-Бьет каждый день...». В параллель – для «идентификации описания» - цитата из повести Ф.Крюкова «Зыбь»: «-Бьет, туды его милость! Ульяна быстрым движением расстегнула и спустила рубаху с белого плеча. Голое молодое тело, свежее и крепкое, молочно-белое при лунном свете, небольшие, упругие груди с темными сосками...» М.Мезенцев считает, что описания таких интимных сцен «настолько индивидуальны, что не оставляет сомнения – автор оперировал только **своим** жизненным опытом», т.е. оба описания в силу схожести сделаны одним человеком. Ему бы в следователи, а не в филологи податься! А потому для Мезенцева несомненно, что Шолохов позаимствовал эту сцену у Крюкова, иначе трудно объяснить сходство описаний и ситуаций. Он уверен в этом настолько, что без всякого юмора, «на полном серьезе», пишет: «Случайность совпадения может найти логическое объяснение только в том случае, если Крюков и Шолохов имели дело с одной женщиной, но разница в возрасте (35 лет) исключает такое предположение. Остается одно: Шолохов позаимствовал сцену у Крюкова, поскольку для Ульяны он был слишком молод, даже еще и не родился.

На основании такого рода удивительных сопоставлений и потрясающих своей «глубиной» выводов токазывается тезис, который автор статьи считает «однозначным»: Шолохов имел рукопись роман «Тихий Дон», написанного Федором Крюковым. А может, он не только крюковского «Тихого Дона», но и крюковской повести «Зыбь» не имел? Кто и сто тут может доказать и как во всю эту абракадабру верить?

В конечном счете самым серьезным аргументом в споре был и остается только один – юный возраст автора «Тихого Дона». Роман исполнен столь глубоким знанием жизни и такой мудростью, которые представляются невероятными для 23-летнего молодого человека. Но этого соображения недостаточно для доказательства версии о существовании другого автора. Потому что молодых гениев в литературе было немало. И еще потому, что «Тихий Дон» создание гения, а гений возраста не имеет.

А в принципе все это пустые и ничего для понимания романа не дающие упражнения. Авторы их считали себя безнаказанными, будучи уверенными, что рукописей «Тихого Дона» не существует. Как утверждал Солженицын, черновики «Тихого Дона» «Шолохов никогда не имел и не предъявлял»¹⁴². Нет, имел. И предъявлял. И теперь, когда они найдены, все усилия шолоховских разоблачителей оказались потраченными напрасно. Без текстологического анализа этих рукописных материалов, выполненных как уже доказала почерковедческая экспертиза, выполненных рукой Шолохова какие-либо рассуждения о «проблеме авторства» сейчас лишены вообще всякого смысла.

В последнее время появились сообщения о том, что найденные наконец, шолоховские рукописи «уплывают» из России. Известно, что их частные владельцы предлагали продать рукописи государству и запрашивали за них полмиллиона долларов. Об этом было известно М.Горбачеву, но он на это святое дело денег не дал, так же, как и нынешние хозяева России. Между тем газета «Известия» в феврале 1998 года сообщила о том, что рукопись «Тихого Дона» уже «постранично продается на Западе», что «несколько страниц из рукописи шолоховского романа навсегда ушли из России»¹⁴³. Если это произойдет со всей рукописью, это будет трагедия для науки, откроется «зеленая улица» для фальсификаторов (потому что рукописи окажутся вне досягаемости исследователей), это будет и вечный позор для России.

- Закончить пока разговор о проблеме авторства «Тихого Дона» я хотел бы суждением на эту тему Александра Зиновьева, автора знаменитого романа «Зияющие высоты» и выдающегося специалиста в области науки логики: *«Шолохов – один из величайших прозаиков в ис-*

¹⁴² Загадки и тайны «Тихого Дона». Самара. С. 97..

¹⁴³ Буйда Ю. «Тихий Дон» течет на Запад?// Известия, 1998, 25 февраля.

тории литературы вообще. Я раз двадцать перечитывал «Тихий Дон» Кстати, по поводу сомнения в авторстве Шолохова.... У меня никаких сомнений нет. А если подходить так, как кому-то хочется, я берусь доказать, что «Войну и мир» написали 20 писателей, а Толстой скомпилировал их. Приписывают «Тихий Дон» Крюкову, кому-то еще... Те писатели – профессиональные писатели, писатели посредственные. Такую гениальную книгу мог написать только начинающий автор».

Станислав Иванович Сухих

**СПОРЫ ОБ АВТОРСТВЕ «ТИХОГО ДОНА».
ИЗ ЛЕКЦИЙ ПО СПЕЦКУРСУ «ПРОБЛЕМЫ ТВОРСТВЕ ШОЛОХОВА»**

Компьютерный набор и верстка автора

Редактор В.К.Красунов

Корректор И.В Осина

Подписано в печать 30.09.99 г. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.печ. л %. Заказ № 1223.

Тираж 300 экз. Цена договорная.

Издательство «КИТиздат», 603022, г. Нижний Новгород,
Ул. Кулибина, 14

Типография ННГУ, г. Нижний Новгород, ул. Б.Покровская, 37